

НЕ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

АЛЕКСЕЙ ГОРБЫЛЕВ

НИНДЗЯ

ВОИНЫ-НЕВИДИМКИ

ЯУА

МОСКВА
2022

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)
Г67

Горбылев, Алексей Михайлович.

Г67 Ниндзя. Воины-невидимки / Алексей Горбылев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 608 с.

ISBN 978-5-04-163380-6

Таинственные ниндзя являются одним из символов японской истории. Эти воины-невидимки всегда вызывали огромный интерес у читателей. В ваших руках уникальная книга, детально рассказывающая об истории самых таинственных воинов Японии. В своей работе известный специалист по японским боевым искусствам А. М. Горбылёв воссоздает многогранную историю ниндзицу, описывает кодекс чести ниндзя, боевую технику, школы и кланы ниндзя, разоблачает многочисленные мифологемы о воинах-невидимках.

При подготовке книги автор использовал многочисленные японские источники, в том числе средневековые «гункимоно» (военные повести), истории семей ниндзя, наставления, передавшиеся сотнями лет из поколения в поколение.

**УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)**

ISBN 978-5-04-163380-6

© Горбылев А.М., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Книга, которую ты держишь в руках, посвящена одному из самых загадочных аспектов дальневосточной традиции воинских искусств – средневековому японскому искусству шпионажа *ниндзюцу* и его замечательным мастерам – *ниндзя*.

Данная работа создана на основе широкого круга источников и материалов, существующих в основном на японском языке, и является на сегодняшний день, наверное, самым полным исследованием по истории *ниндзюцу* на европейских языках. При всем этом она, конечно, не ставит конечную точку в изучении средневекового японского искусства шпионажа и не претендует на истину в последней инстанции.

Шпионаж во все времена был делом секретным, а потому всякий, кто берется за исследование какого-либо из аспектов этой темы, должен быть готов продирается через лес недомолвок, искусных фальшивок и откровенных фантазий, сознавая, что неминуемо обречен на ошибки и неточности. Особенно – если речь идет об исследовании методов шпионажа, рожденных другой культурой и на столетия отстоящих от нас во времени.

Сознавая несовершенство своего труда, в то же время я верю, что он может послужить отправной точкой в исследовательском поиске тех профессионалов и любителей, которые пожелают пойти дальше меня в изучении этой удивительно интересной темы – истории средневекового японского искусства шпионажа.

В завершение хочу поблагодарить издательство «Яуза», которое согласилось издать эту книгу.

Алексей Горбылёв

ВВЕДЕНИЕ

Средневековые японские шпионы и диверсанты *ниндзя* и их загадочное профессиональное искусство *ниндзюцу* относятся к наименее исследованным областям военной истории человечества.

История изучения этого феномена на Западе не насчитывает и пятидесяти лет. По большому счету, все началось с небольшой заметки в журнале «Ньюсуик» за 3 августа 1964 г. Автор рассказывал в ней о волне «ниндзямании», захлестнувшей Страну восходящего солнца, вкратце описывал сущность и методы *ниндзюцу* и представлял «последнего мастера» этого загадочного искусства – Фудзиту Сэйко. Заметка вызвала большой интерес у американских ученых. По свидетельству Ямагути Масаюки, одного из крупнейших японских специалистов в области истории *ниндзюцу*, в том же 1964 г. из Гарвардского и Калифорнийского университетов, а также университета г. Гонолулу, что на Гавайских островах, в Японию поступили запросы о предоставлении материалов о *ниндзя*.

Каковы были результаты исследований американских историков, автору книги неизвестно. Но именно после этой заметки, опубликованной в одном из самых влиятельных общественно-политических журналов с тиражом более 3 млн экземпляров, в США начался бум *ниндзя*. Спустя некоторое время он был подстегнут многочисленными кинобоевиками о японских «невидимках», авантурными романами и многочисленными рекламными книжонками.

Спрос на информацию о *ниндзя* был колоссальный. И мощная американская индустрия с готовностью откликнулась на него: на прилавках специализированных магазинов появились униформа и снаряжение *ниндзя*, самоучители «по боевой технике воинов-теней». Свою долю пирога поспешили урвать и последние «мастера *ниндзюцу*», которые,

Иероглифическое
написание слова
ниндзюцу

как грибы после дождя, начали один за другим обнаруживаться в различных странах. Некоторые из них оказались чрезвычайно успешными и смогли создать крупные организации, объединяющие десятки тысяч поклонников по всему свету. Таковы Будзинкан, Гэмбукан, Дзинэнкан, Всемирная академия *ниндзюцу* Роберта Басси и другие, по сути представляющие собой своеобразные коммерческие предприятия, занимающиеся торговлей «заморской диковинкой».

Для рекламирования «тайного искусства» широко использовались отработанные методы привлечения публики: побольше загадочности и мистики, побольше обещаний и заверений типа «наше искусство — самое древнее и эффективное», побольше необычных приемов, побольше басен о сверхвозможностях — и доверчивый «буратино» с готовностью расстанется со своими золотыми.

Очень важно было подать всё под «правильным соусом». Ведь средневековые приемы маскировки, беганья по лесам и физическое и психическое самоистязание в духе современного спецназа могут заинтересовать разве что молодых парней, переполняемых энергией и азартом, чудаков-любителей да профессионалов из соответствующих структур. Подлинно широкая публика к таким «забавам» равнодушна. И вправду, зачем всё это «офисному планктону», рабочему или школяру? Однако «популяризаторы» *ниндзюцу* сумели найти приманку и для «широких народных масс». *Ниндзюцу* стало рекламироваться не столько как искусство шпионажа, разведки, организации и совершения диверсий, сколько как учение о достижении гармонии с окружающим миром, космосом, реализации творческого потенциала человека. Соответственно и *ниндзя* превратились в носителей «тайного знания», в членов «тайных кланов», озабоченных реализацией высоких религиозно-философских идеалов и гонимых за свои убеждения. Жаль только, что у этого впечатляющего мифа нет никакой реальной исторической основы, о чем пойдет речь далее...

Новая концепция рекламы быстро позволила «построить в ряды» десятки тысяч последователей во всем мире. Еще бы! Гармония с окружающим миром, духовное здоровье, реализация творческих потенций вкупе с владением неотразимыми смертоносными приемами, перед которыми бессильны все прочие единоборства, — это ли не идеал?! В то время как в других боевых искусствах Востока постепенно наметился отток «любителей», организации *ниндзюцу*, напротив, стали стремительно набирать вес.

Любопытно, что рост интереса к *ниндзюцу* не слишком стимулировал активность научных изысканий. Почти все изданные к настоящему моменту вне Японии книги об этом искусстве носят исключительно популярный и рекламный характер и ни в коей мере не являются на-

Ниндзя маскируется под каменный фонарь. Рисунок по мотивам японских гравюр

учными исследованиями. Именно поэтому мы не найдем в них ни ссылок на исторические источники, ни детального, основанного на фактах, анализа, ни цитат из «секретных» наставлений.

Зато повсеместно мы будем наталкиваться на высказывания, давно ставшие штампами и при этом не имеющие под собой никакой основы. Например, из книги в книгу кочует утверждение о полном отсутствии источников по *ниндзюцу*, связанных со спецификой секретной деятельности *ниндзя*. Но так ли это?

В действительности японские источники, описывающие события XIV–XVII вв., пестрят упоминаниями о действиях *ниндзя*. Подчас можно найти и детальные описания операций хитроумных лазутчиков. В этом плане значимы произведения жанра «военных повестей» (*гунки*, *гункимоно*): «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра»)¹, «Тайхэйки» («Повесть о великом мире»)², «Ходзэ годайки» («Хроника пяти поколений Ходзэ»)³, «Канхассю косэн року» («Записи о давних войнах в восьми провинциях Канто»)⁴, «Сикоку гунки» («Воинская повесть острова Сикоку»)⁵ и др.

Большую ценность представляют дневники тех времен, например «Тамон-ин никки» («Дневник обитателя Тамон»)⁶.

¹ Одно из самых значительных и ярких произведений в жанре *гунки*. Создано в начале XIII в. Повествует о борьбе в конце XII в. двух враждующих самурайских кланов – Тайра и Минамото, завершившейся гибелью Тайра.

² Крупнейшее произведение в жанре *гунки*, повествующее о борьбе императора Годайго с правителями из дома Ходзэ за реставрацию прямого императорского правления, а также императорского дома – с сёгунами из династии Асикага. Создано во второй половине XIV в.

³ Сочинение жанра *гункимоно*, созданное вассалом семьи Ходзэ – Миура Дзёсин (1565–1644), повествующее об истории военного дома Ходзэ. Опубликовано в 1641 г.

⁴ Сочинение жанра *гункимоно* Макидзима Акитакэ, повествующее о междоусобных войнах конца XV–XVI вв. в регионе Канто. Создано в 1726 г.

⁵ Сочинение жанра *гункимоно*, повествующее о междоусобных войнах XVI в. на острове Сикоку. Создано в 1710 г.

⁶ Дневник, охватывающий период с 1478 по 1618 г., который вели три поколения монахов храма Тото Тамон-ин в нарском монастыре Кофуку-дзи.

Довольно полную картину организации разведки в средневековых японских армиях можно составить по дошедшим до наших дней приказам по армии. Здесь следует выделить распоряжения Като Киёмасы, главнокомандующего японским экспедиционным корпусом в Корею в конце XVI в.

Сохранились до настоящего времени и десятки наставлений по *ниндзюцу*, включая такие монументальные произведения, как десяти томная «энциклопедия» «Бансэнсюкай» («Десять тысяч рек собираются в море»)¹ и «Сёнинки» («Книга об истинном *ниндзюцу*»)².

Ценные сведения по организации, управлению и технике разведки, шпионажа и диверсий содержатся также в учебниках по военному искусству XVI–XVII вв. С ними смыкаются классические китайские трактаты по военному искусству, оказавшие серьезное влияние на формирование теории и практики *ниндзюцу*.

Имеются в распоряжении исследователей и несколько десятков генеалогий знаменитых семей *ниндзя*, служебные отчеты шпионов, составленные ими планы и карты.

Значительно хуже обстоит дело с предметами материальной культуры *ниндзя*. Известный знаток истории, вооружения и снаряжения средневековых японских разведчиков Нава Юмио в своей работе «Хиссё-но хэйхо *ниндзюцу*-но кэнкю» («Исследования по всепобеждающему военному искусству *ниндзюцу*») писал, что ему известны лишь три предмета, которые, предположительно (!), непосредственно применялись *ниндзя* эпохи Токугава (1603–1867).

Несмотря на это, в современной Японии имеется, по меньшей мере, четыре учреждения, претендующих на статус музеев *ниндзя*. Это «музеи» в городах Ига Уэно, Конан, Кока и на горе Тогакуси в префектуре Нагано. Однако подавляющее большинство экспонатов не являются подлинниками, о чем свидетельствует отсутствие специальных каталогов, а также информационных стендов с указанием времени и места изготовления, обстоятельств приобретения музеем, размеров, материала изготовления и т. д. В частности, в экспозиции музея *ниндзя* в городе Конан, по информации его директора — господина Фукуи, подлинниками являются только аркебуза и комплект доспехов рядового японского пехотинца, причем ни то, ни другое не является специфическим именно для *ниндзя*. Всё остальное — имитации, изготовленные по описаниям в сохранившихся текстах XVII в.,

¹ Сочинение Фудзибаяси Самудзи Ясутакэ, посвященное теории и практике *ниндзюцу* школ Ига-рю и Кога-рю. Создано в 1676 г.

² Сочинение Натори Сандзюро Масатакэ, посвященное теории и практике *ниндзюцу* школы Кисю-рю. Создано в 1681 г.

где, кстати говоря, содержится немало непроверенных теоретических разработок, заимствований из столь же теоретичных китайских трактатов и просто фантазий. Часть экспонатов изготовлена специально для «осведомленной» публики. В частности, в экспозиции музея *ниндзя* в городе Кока выставлен «меч *ниндзя*» с прямым клинком. На мой вопрос о том, откуда попало это оружие в коллекцию, гид откровенно сказал, что это имитация, причем изготовленная с учетом стереотипных представлений большинства посетителей, несмотря на то, что большинство японских исследователей истории *ниндзюцу* полагают, что какого-то специфического «шпионского меча» синоби-гатана, характерным отличием коего был бы прямой клинок, никогда не существовало (хотя это вовсе не означает, что в Японии никогда не использовались мечи с прямыми клинками). «Мы представляем здесь то, что рассчитывает увидеть посетитель, а не то, что смогли отыскать исследователи», — нисколько не таясь, объясняет гид, хотя это сильно подмачивает авторитет «музея» как учреждения, занимающегося не только культурно-просветительской, но и — в первую очередь — научно-исследовательской деятельностью. Впрочем, такие вопросы волнуют только специалистов. Большинство же посетителей, приезжающих в Кока, Конан, Ига Уэно или Тогакуси с целью просто развлечься, на подобные детали не обращают никакого внимания.

Признаться, и я сам при первых посещениях музеев в Ига Уэно и Конан в 1997 г. принимал всё за чистую монету. И потребовалось много времени, чтобы накопить исследовательский опыт и достичь такого уровня, при котором уже ясно осознаешь всю необходимость ставить и всерьез обсуждать проблемы подлинности артефактов, представленных в музеях.

Как представляется мне сегодня, музеи *ниндзя*, бесспорно являясь хорошим подспорьем в изучении истории, теории и практики *ниндзюцу* как своеобразные варианты исследовательского подхода, одновременно требуют крайней осторожности в обращении и могут предоставлять в том числе и ложную информацию. Во всяком случае, к их экспозициям невозможно апеллировать как к истине в последней инстанции.

Тем не менее возможности для изучения реального исторического *ниндзюцу* в настоящее время гораздо шире, чем утверждается в большом числе «трудов» по *ниндзюцу*. Это вынуждает исследователя не только доискиваться истины в источниках, но попутно еще и анализировать, и ломать штампы, сложившиеся благодаря «усилиям» «популяризаторов», заинтересованных не в серьезном исследовании вопроса, а лишь только в саморекламе. И начинать приходится уже с самого понятия *ниндзя*.

КТО ТАКИЕ НИНДЗЯ?

Слово *ниндзя* записывается двумя иероглифами: *нин* (в другом прочтении *синобу*) — 1) выносить, терпеть, сносить; 2) скрываться, прятаться, делать что-либо тайком; и *ся* (в озвончённой форме *дзя*; в другом прочтении *моно*) — человек. Существительное *синоби*, образованное от глагола *синобу*, означает: 1) тайное проникновение; 2) соглядатай, лазутчик, шпион; 3) кража.

Слово *ниндзя* появилось лишь в XX в. Ранее его эквивалентом было иное прочтение тех же иероглифов — *синоби-но моно*, буквально «скрывающийся человек», «проникающий тайно человек». Так в Японии, начиная с XIV в., называли лазутчиков.

Во многих работах по истории *ниндзюцу* можно встретить анализ взаимоотношения составных частей иероглифа *нин* с целью показать некое скрытое и при этом якобы изначальное философское значение слова *ниндзя*. Так, этот иероглиф интерпретируют, например, как «сердце контролирует и направляет оружие» (нижняя часть иероглифа *нин* представляет собой иероглиф «сердце», а верхняя — «клинок»). Однако думается, что это не более чем позднейшие интерпретации и гимнастика ума. Подтверждается это тем, что задолго до того, как в Японии шпионов стали называть *синоби*, в японском языке уже существовали многочисленные производные от глагола *синобу* слова со вполне «шпионскими» значениями: *синобиёру* — подкрадываться; *синобириу* — тайно проникать куда-либо; *синобиаруку* — ходить крадучись; *синобисугата-дэ* — переодевшись, инкогнито, под чужим именем; *синобиаси-дэ* — на цыпочках, тихонько и т. д.

Синоби был далеко не единственный термин для обозначения представителей шпионской профессии. В источниках мы встречаем упоминания о *кандзя* («шпион», дословно — «человек [проникающий через] отверстие»), *тёдзя* («шпион»), *камари* («пригибающийся»), *укамибито* («вызнающий человек»), *суппа* («волны на воде», «проникающие [куда-либо] волны»), *сэппа* (то же), *раппа* («мятежные волны»), *топпа* («бьющие волны»), *монокики* («слушающие»), *тоомэ* («далеко видящие»), *мицу-моно* («тройные люди», «растраивающиеся люди»), *дацуко* («похитители слов»), *кёдан* («[подслушивающие] болтовню за угощением»), *яма-кугури* («подлезавшие под гору»), *куса* («[прячущиеся в] траве») и т. д.

Общую характеристику *синоби-но моно*, их предназначения и использования мы находим в таком авторитетном источнике, как «Букэ мёмокусё» («Термины самурайских родов»)¹: «Синоби-но моно выпол-

¹ Энциклопедия обычаев самурайства, терминов, связанных со званиями, должностями и вооружением самураев, составленная по приказу сёгуната Токугава Институтом преподавания и изучения национальной науки в начале XIX в. Насчитывает 381 том.

няют различные шпионские задания. Их называют еще *кандзя* или *тёдзя*. Служба их заключается в том, чтобы тайно проникать в чужие провинции и изучать обстановку во вражеском стане или по временам, замешавшись среди врагов, вызнать их слабые места. Проникнув во вражеский лагерь, они устраивают поджоги и убивают вражеских воинов. Во многих случаях используются эти *синоби*. Называют их также *моно-кики* («подслушивающие»), *синоби-мэцукэ* («тайные агенты, цепляющие к глазам») и т. д. Всё это одна сторона их службы. Если с самого начала служебные обязанности *синоби-но моно* не оговорены, то нет таких заданий, которые бы им не поручали. Служат в качестве *синоби* простолюдины, *асигару* (воины низшего ранга), *досин* (полицейские низшего ранга), *раппа*, *сэппа* и т. д.».

Сходную характеристику применительно к *синоби* из владений прославленного полководца Уэсуги Кэнсин (Кагэтора) мы находим в «Этиго гунки» («Воинская повесть провинции Этиго»)¹ (глава «О том, как Кагэтора послал армию к границе провинции Эттю и о возвращении ее в лагерь без боя»): «В 5-й день 10-й луны того же года (1548) Уэсуги Кагэтора назначил *кикимоно-яку* — «подслушивающими» — семерых своих ближних слуг. Трех он послал в провинцию Каи, а остальные четверо поселились в провинциях Эттю, Ното и Кага. *Кикимоно-яку* — это такой вид служащих, которых называют еще *синоби-но моно*, *мэцукэ* или *ёкомэ* («смотрящие искоса»). Они ежедневно докладывают о делах управления правителей других провинций, о поступках их чиновников и даже об обычаях простонародья. От них получают драгоценные знания о хороших и дурных делах других провинций».

Картину могут дополнить сведения, которые мы находим в историческом сочинении середины XV в. «Ноти кагами» («Позднейшее зеркало»): «Что касается *синоби-но моно*, то говорят, что происходят они из провинций Ига и Кога и с легкостью тайно проникают во вражеские замки. Они соблюдают тайну и известны лишь под псевдонимами. В Западной стране (то есть в Китае) их называют *сайсаку*. А стратеги зовут их *кагимоно-хики* («вынюхивающие и подслушивающие»)».

Анализ этих цитат показывает, что *синоби-но моно* могли происходить из разных социальных слоев. Это могли быть самураи, порой из знатных родов, горные отшельники *ямабуси*, буддийские монахи-воины *сохэй*, разбойники «гор и полей», *дзи-дзамураи*, воры... Кого только среди них не было! Объединяли же их, во-первых, те специфические функции, которые они выполняли в японских средневековых

¹ Сочинение жанра *гункимоно*, написанное Усами Садаскэ, вассалом княжества Кисю, повествующее о деятельности Уэсуги Кэнсин, правителя провинции Этиго середины XVI в. Создано в конце XVII в.

армиях — все они были тайными агентами, шпионами, разведчиками, а во-вторых, владение необходимыми для выполнения этих функций навыками — методами сбора разведывательной информации, легендирования, организации диверсий и тайных убийств и т. д. Характерно при этом, что «Ноти кагами» проводит параллель с китайскими шпионами.

Всё это в корне подрывает представление о *ниндзя* как особой «касте отверженных», каких-то «тайных кланах», растиражированное в популярных изданиях. Кстати сказать, само выражение «тайный клан» выглядит довольно нелепым. Ведь слово «клан» в русском языке имеет значение «род, родовая община». А посему возникает законный вопрос: могут ли род или семья быть «тайными»?

Представление о *ниндзя* как о неких «тайных кланах» своим происхождением обязано тому факту, что в Японии на определенном этапе ее исторического развития появились семьи, из поколения в поколение зарабатывавшие на жизнь сбором и торговлей разведывательной информацией, поставкой профессиональных шпионов и диверсантов противоборствующим феодалам. Речь идет о нескольких десятках семей мелких феодалов (госи) из провинции Ига и из уезда Кога провинции Оми. Шпионаж был для них таким же бизнесом, как для других, например, торговля горшками — разница была только в товаре. О том же, какие обстоятельства привели к тому, что эти семьи начали заниматься столь необычным «бизнесом», будет подробно говориться в тексте книги.

О ШКОЛАХ НИНДЗЮЦУ

В литературе по *ниндзюцу* имеет место дикая путаница в том, что означает словосочетание «школа *ниндзюцу*». Так, автор одной статьи на двух страницах одним и тем же выражением «школа *ниндзюцу*» умудрился обозначить четыре (!) совершенно разных явления, для каждого из которых в японском языке есть свой термин. Отчасти это связано с чрезвычайной широтой русского слова «школа», но главная проблема — непонимание сущности предмета обсуждения.

Итак, русским выражением «школа *ниндзюцу*» в публикациях зачастую обозначают:

- 1) техническую традицию, обладающую теоретическим обоснованием и стабильным регламентированным арсеналом технических средств; в Японии такие школы принято обозначать термином *рюги* (европейский аналог, например, — импрессионистская школа живо-

писи), причем элементы «знания» рюги, как правило, фиксируются в специальных «каталогах» (*мокуроку*);

2) место, где проходят тренировки в воинском искусстве, японский термин — *додзё*;

3) тайную организацию, занимающуюся шпионажем и располагающую агентурной сетью, японский термин — *химицу сосики*, досл. «тайная организация»;

4) семью (клан), занимающуюся шпионажем и культивирующую *рю ниндзюцу*; японский термин — *нинкэ*, досл. семья *ниндзя*.

Очевидно, что ни *рюги*, ни *додзё* в исторических событиях как таковые участвовать не могут, ибо первое есть чистое знание, а второе — строение. Неверно и называть «школой» тайную организацию или семью, практикующую *ниндзюцу*. Важно также отметить, что между *нинкэ* и *химицу сосики* ни в коем случае нельзя ставить знак равенства, так как несколько семей, практиковавших *ниндзюцу*, могли входить в одну и ту же секретную организацию, а секретные организации могли создаваться японскими феодальными владыками — *даймё* из своих собственных самураев без привлечения членов *нинкэ*.

ЧТО ТАКОЕ НИНДЗЮЦУ?

Японские историки указывают, что как особое искусство *ниндзюцу* сложилось не ранее конца XV в.

Что оно собой представляло в период своего расцвета — в эпоху междоусобных войн конца XV — начала XVII ст. — лучше всего показывает, пожалуй, знаменитая «энциклопедия» *ниндзюцу* «Бансэнсюкай» (середина XVII в.).

Фудзибаяси Ясутакэ, автор этой книги и — предположительно — глава организации *ниндзя* (*дзёнин*) из Ига, разделяет шпионское искусство на два основных раздела: Ёнин («Светлое *ниндзюцу*», или «искусство невидимости на свету») и Иннин («Темное *ниндзюцу*», или «искусство невидимости в темноте»).

Ёнин — это в первую очередь уровень стратегии и тактики. Японские историки иногда называют этот раздел *дзуйно ниндзюцу* — то есть «мозговое *ниндзюцу*», поскольку в него входят методы организации шпионских сетей, анализа полученной информации, разработки долгосрочных стратегических планов на основе учета разнообразных факторов — политических, экономических, военных, географических и т. д., прогнозирование ситуации. Это уровень политика высшего эшелона,

командующего армией и руководителя организации разведки и шпионажа — *дзёнина*.

Иннин имеет дело с конкретными приемами добывания секретной информации. В него входят способы проникновения на вражескую территорию с использованием легенды, различные уловки для обмана бдительности стражи, приемы подслушивания и подсматривания, ускользания от погони и многое другое.

Кроме того, в подготовку *ниндзя* входили и многочисленные вспомогательные «искусства»: *хэнсодзюцу* (методы переодевания), *мономанэ-но дзюцу* («искусство подражания» голосам и звукам), *суйзёдзюцу* (плавание), *хаягакэ-но дзюцу* (искусство спринтерского и марафонского бега) и т. д.

Для эффективного выполнения заданий *ниндзя* использовали различные специальные инструменты (*нинки*, *нингу*): приспособления для подъема на стены, разнообразные плавсредства, воровской инструмент.

Несколько особняком стоит применение зажигательных смесей, взрывчатки и огнестрельного оружия — искусство *кадзюцу*, которому в «Бансэнсюкай» посвящен отдельный том.

Характерно, что в «Бансэнсюкай» не описаны никакие приемы рукопашного боя — ни с оружием, ни без него. Дело в том, что *ниндзюцу* как искусство шпионажа имеет совершенно особую сферу применения и свои особые методы. Это отдельная дисциплина, не включающая в себя приемы поединка. Однако это вовсе не означает, что *ниндзя* вообще не изучали так называемые «боевые искусства» (которые надо отличать от «воинских искусств» и «военного искусства») — фехтование мечом, копьем, стрельбу из лука, борьбу без оружия. Дело в том, что обучение во всех классических японских школах носило комплексный характер. Например, в программе Тэнсин сёдэн Катори синто-рю в одном ряду стоят *кэндзюцу* (фехтование мечом), *иаидзюцу* (методы молниеносного выхватывания меча для атаки или контра-таки), *нагинатадзюцу* (техника боя алебардой), *бодзюцу* (фехтование шестом), *содзюцу* (приемы боя копьем), *сюрикэндзюцу* (метание лезвий), *кумиути* (борьба в доспехах) и *ниндзюцу* (собственно искусство шпионажа и разведки).

В общем, *ниндзюцу* можно охарактеризовать как целостную систему стратегического шпионажа и войсковой разведки, располагающую тщательно разработанной теорией, богатым арсеналом приемов, оригинальной методикой подготовки агентов, опирающейся на использование большого арсенала специальных технических средств, сложившуюся в Японии в конце XV — начале XVII в.

ВЕХИ ИСТОРИИ НИНДЗЮЦУ

Разумеется, такая стройная и разработанная система не могла родиться в одночасье. Чтобы она смогла развиваться из разрозненных приемов добывания разведывательной информации, маскировки, организации диверсий, потребовались столетия.

В этой связи перед исследователем неизбежно встанут весьма сложные вопросы: каковы истоки японского искусства шпионажа? Какие факторы позволили ему именно на японской земле в период Средневековья достичь столь высокого развития? С какого момента можно говорить о существовании *ниндзюцу* как особого искусства?

Что касается истоков *ниндзюцу*, думается, искать их нужно во времена доисторических, так как многие разделы этого искусства: следопытство, маскировка, методы выживания в условиях дикой природы – по своему происхождению связаны с охотой. Со временем эти охотничьи уловки становились все более изощренными, а с началом столкновений между объединениями первобытных людей дали начало военному искусству, в котором различные хитрости «ниндзевского» толка заняли весьма почтенное место.

Однако люди охотились и воевали во всем мире, но именно в Японии искусство шпионажа и военной разведки в период Средневековья достигло необычайно высокого развития. Чем это объяснить? Думается, свою роль здесь сыграла целая совокупность разнообразных факторов: географических, исторических, психологических.

Говоря о географических факторах, нужно в первую очередь отметить близость великой цивилизации Китая. Действительно, почти каждый скачок в культурном развитии Японии был связан с усилением китайского влияния. Сказалось это влияние и в искусстве шпионажа. Правда, проявилось оно не столько в сфере конкретных приемов, сколько в области теории *ниндзюцу*.

И еще. Сложный горный рельеф, обилие речушек способствовали развитию методов малой войны – неожиданных нападений, засад, диверсий, предопределили исключительную важность личного мастерства воина, возникновение малочисленных, но чрезвычайно боеспособных отрядов, способных эффективно действовать в самых сложных условиях.

К историческим факторам следует отнести, конечно же, существование в Японии особого военного сословия – самураев и чрезвычайную раздробленность страны в XV–XVI ст. Господство самурайского сословия способствовало росту престижа военного дела и стимулировало развитие военного искусства во всех его формах. Раздроблен-

ность вела к постоянным конфликтам, войнам, которые также подстегивали изучение военного дела. К тому же в Японии уже с первой половины XIII в. начала складываться особая социальная прослойка наемников, живших за счет войны. Именно из нее со временем и выделились *нинкэ* — семьи, сделавшие своим бизнесом шпионаж.

Немалое значение имели и особенности национальной психологии японцев. Особо нужно отметить два момента. Во-первых, это бережное отношение к наследию предков. Для японцев всё, что связано с предками, священно. И подходят они к своему наследию как рачительные хозяева: всё значимое, важное, полезное запомнят, освоят, отшлифуют и применят, когда надо. Некоторые японские историки считают, что именно в процессе такого отбора и фиксации различных военных хитростей японцы и создали знаменитую систему *ниндзюцу*.

Однако другие исследователи полагают, что без заимствований со стороны — в первую очередь из Китая — *ниндзюцу* едва ли достигло бы своего по своим временам поистине фантастического уровня развития. При этом они указывают на другую замечательную черту психологии японского народа — способность к активному усвоению достижений других народов. Действительно, вся японская история являет собой замечательный пример того, насколько можно ускорить развитие национальной культуры, если с умом обратиться за опытом к соседям. Не для того, чтобы «передраить», а чтобы увидеть их достижения, осмыслить их, переделать на свой лад и применить на родной земле.

Вот так в самом общем виде представляются нам истоки *ниндзюцу*. Но в какой же момент времени оно развилось в настоящее искусство?

Хотя некоторые легенды утверждают, что *ниндзюцу* существовало с незапамятных времен, реальные исторические источники позволяют говорить о существовании *ниндзюцу* как самостоятельного искусства не ранее второй половины XV столетия. Именно в этот период впервые ярко проявили себя знаменитые кланы *ниндзя* из Ига и Кога, создавшие крупнейшие школы *ниндзюцу* — Ига-рю и Кога-рю. При этом весь предыдущий период японской истории, по сути, можно рассматривать как время накопления знаний в области шпионажа и разведки, их осмысления и упорядочивания.

В целом всю историю *ниндзюцу*, как представляется нам, можно разделить на три важнейших периода: период формирования (VI — первая половина XV в.), период расцвета (вторая половина XV — начало XVII в.) и период упадка (середина XVII—XIX в.). В каждом из трех этих больших этапов можно выделить более мелкие, но важные периоды. Всего автор насчитал их одиннадцать.

I период продолжался со времен доисторических до начала эпохи Нара (710–784). Это период первичного накопления знаний в области разведки и диверсионной войны и их первой письменной фиксации. В это время в Японию из Китая был привезен знаменитый трактат «Сунь-цзы», заложивший основу теории шпионажа, проникла буддийская магия, занявшая впоследствии важное место в системе психологической подготовки *ниндзя*.

II период по временным рамкам в основном совпадает с периодом Нара (710–784). По мнению некоторых японских исследователей, он характеризовался возникновением в среде горных отшельников-*ямабуси* искусства партизанской войны, включавшего в себя приемы маскировки и рукопашного боя.

III период охватывает время от начала периода Хэйан (794–1192) до войны Гэмпэй (1180–1185). Он ознаменовался складыванием военного сословия самураев, укреплением буддийских монастырей и появлением монахов-воинов, зарождением в среде разбойников прообраза агентурных сетей.

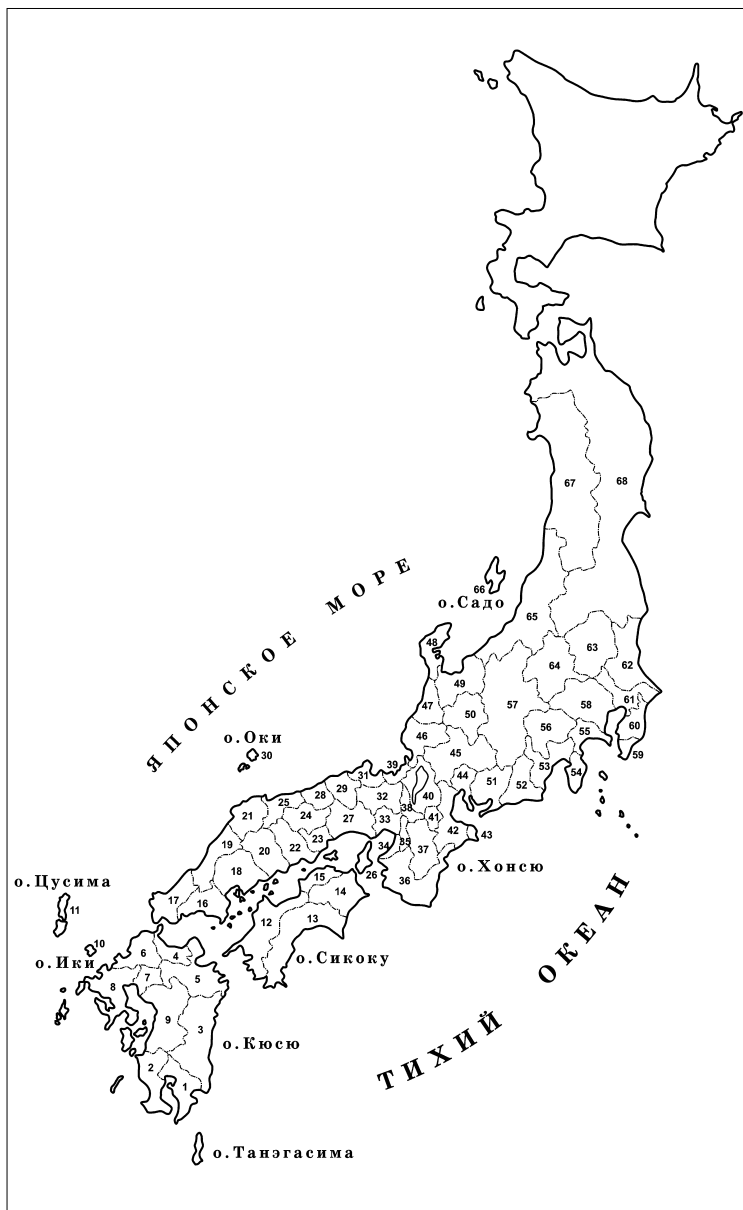
IV период охватывает войну Гэмпэй (1180–1185) и первые годы сёгуната Минамото (1192–1333). Как утверждает традиция, в это время *ниндзюцу* впервые было выделено в особую отрасль военной науки, появились первые профессиональные разведчики.

V период, совпадающий по времени с Камакурским сёгунатом (1192–1333), характеризовался влиянием на искусство шпионажа со стороны буддийской школы Дзэн, которая привлекла внимание многих самураев своими неординарными установками и оригинальными методами практики, имевшими своим следствием выработку хладнокровия, спокойствия и бесстрашия.

VI период охватывает реставрацию Кэмму (1333–1336), период Намбоку-тё (1336–1392) и далее вплоть до начала эпохи Сэнгоку (1467–1573). В это время впервые создаются агентурные сети, возникают первые школы воинского искусства.

VII этап, совпадающий с эпохой Сэнгоку (1467–1573), ознаменовался широчайшим использованием шпионов враждующими феодалами, развитием в *ниндзюцу* методов применения огнестрельного оружия, складыванием крупнейших школ Ига-рю и Кога-рю.

Следующий, VIII период – это время правления первых объединителей Японии – Оды Нобунаги (1573–1582) и Тоётоми Хидэёси (1583–1598), проводивших политику «собираения» страны путем подавления всех непослушных элементов – буддийских монастырей, враждебных феодальных кланов, в том числе тех, которые практиковали *ниндзюцу*. В частности, эта политика вылилась в поход армии Оды на провинцию Ига и разгром большинства кланов *ниндзя*.

Провинции Японии

IX период — время борьбы за власть в стране Токугавы Иэясу (1598–1615). Иэясу хорошо понимал и высоко ценил возможности *ниндзя* и создал лучшую по тем временам службу шпионажа.

X период — мирное время правления *сёгунов* династии Токугава (1615–1867). В Японии создается колоссальный полицейский аппарат, использующий бывших *ниндзя* в качестве тайных агентов. С середины XVII в. *ниндзюцу*, не находя применения в войнах, приходит в упадок.

XI период начинается с революции Мэйдзи (1868) и завершается поражением Японии во Второй мировой войне (1945). В это время на основе *ниндзюцу* и европейских разработок в области шпионажа возникает и используется современная японская система шпионажа.

В настоящей работе широко представлены материалы исторических источников. Всего задействовано около 60 текстов. Однако обрывочность содержащихся в них сведений и недоступность источников во всей их полноте вынуждают автора в поэтапном изложении истории *ниндзюцу* в основном следовать канве, проложенной японскими исследователями, такими как Окусэ Хэйситиро и Нава Юмио. В этой связи необходимо сказать несколько слов о японской традиции историописания, которая отчасти следует китайскому шаблону.

В этой традиции, исходящей из признания древности золотым веком, история — это процесс передачи изначальной мудрости от мудрецов-родоначальников к их потомкам. Отсюда стремление удревить всякое явление и тем самым подчеркнуть его истинность и значимость, имеющее следствием слияние мифа и реальности. В результате и в источниках, и даже в большинстве современных японских работ по истории *ниндзюцу* реальность зачастую неотделима от мифа. Это препятствует созданию подлинно научной истории *ниндзюцу*, но помогает понять сущность этого искусства как бы изнутри, ведь миф о *ниндзюцу* в то же время есть результат его отражения в сознании носителя мифа.

Поэтому в тексте настоящей работы с сообщениями сравнительно надежных исторических источников соседствует большое число легенд. Думается, это поможет читателю составить более полное представление о том, как воспринимали свое искусство сами *ниндзя* и чем оно для них было.

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ НИНДЗЯ

Оружие (*буки*) и снаряжение (*нинки*) *ниндзя* являются важнейшими составляющими культуры «ночных воинов» Японии. Именно эти приспособления делали возможным совершение многих поступков, ка-

завшихся непосвященным современникам сверхъестественными и чудесными. Так рождались предания и легенды, из которых в массовом сознании складывался фантастический образ лазутчика, способного становиться невидимым, ходить по воде, летать по небу, превращаться в диких животных, проходить сквозь стены...

Неудивительно, что описания оружия и снаряжения традиционно занимают главнейшее место в большинстве книг по *ниндзюцу*. Исследователи единодушно сходятся в том, что конструкторы *ниндзя* если не опередили время, то, во всяком случае, шли в ногу с техническим прогрессом. Действительно, в арсенале «воинов ночи» есть немало видов вооружения и снаряжения, которые могут поразить воображение. Это и ракетные установки, многоствольные ружья, разборные лодки и многое-многое другое. Огромный интерес у широкой публики вызывают «дома привидений» — так называемые «шпионские усадьбы» *ниндзя ясики*, на протяжении столетий служившие жилищами «воинов ночи».

Однако, несмотря на громадный интерес широкой аудитории, в западном мире до самого недавнего времени не было серьезных работ по вооружению и снаряжению *ниндзя*, в которых они были описаны с опорой на сохранившиеся источники. Зачастую конкретные исторические данные заменялись вымыслами, рассчитанными на полную неосведомленность читателя.

В порыве восторга и преклонения перед *ниндзя* многие авторы неосознанно приписывают японским средневековым «невидимкам» использование таких средств, которыми они просто не могли пользоваться. Например, американцы Ал Вейсс и Том Филбин рассказывают в своей книге о «ночных воинах», что те использовали в качестве отравляющего средства листья обычных помидоров, напрочь забывая, что родиной томатов была Америка, и, соответственно, средневековые *ниндзя* вообще не были знакомы с этим растением.

На фоне всеобщего незнания порой рождались совершенно фантастические «учебники *ниндзюцу*», написанные не на основе старинных наставлений или полученных от живого носителя традиции знаний, а на основе послевоенных и современных знаний по войсковой разведке и саперному делу.

Что касается меня, то я при написании этой книги пользовался тремя группами источников информации.

Во-первых, это наставления, написанные самими *ниндзя*. В первую очередь это «Нинпидэн» («Секретное наставление по *ниндзюцу*», 1560 г.), «Бансэнсюкай» («Десять тысяч рек собираются в море», 1676 г.) и «Сёнинки» («Писание об истинном *ниндзюцу*», 1681 г.). Помимо них, я использовал и ряд других текстов (см. библиографию в конце книги).

Вторую группу источников составляют работы довоенных и послевоенных японских историков. Среди них нужно отметить прекрасную работу Нава Юмио «Хиссё-но хэйхо. Ниндзюцу-но кэнкю» («Всепообеждающее военное искусство. Исследования ниндзюцу». Токио, 1972 г.) и книгу Окусэ Хэйситиро «Нинпо. Соно хидэн то дзицурэй» («Нинпо. Его секреты и практические примеры». Токио, 1995 г.). Я также широко использовал материалы авторитетной работы Сасама Ёсихисы «Нихон будо дзитэн» («Энциклопедия по японским будо». Токио, 1982 г.).

Третьим источником информации послужили мои собственные наблюдения, сделанные во время посещения «музеев *ниндзюцу*» в городах Ига Уэно и Конан, монастыря Нэгоро-дэра, Нидзё-дзё — замка сёгунов Токугава в городе Киото и ряда других музеев и исторических мест, так или иначе связанных с историей *ниндзюцу*. Многие рисунки в данной книге основываются на фотографиях, сделанных в этих поездках.

Касаясь экспонатов «музеев», с которыми я впервые имел возможность познакомиться осенью 1997 г., сегодня я вынужден сделать принципиальную оговорку. Как я уже писал выше, подавляющее большинство экспонатов в этих «музеях» не являются подлинниками. Впервые в западной литературе в «Когтях невидимок» были даны детальные описания десятков видов мин, бомб, зажигательных стрел, ракет, воровского инструмента *ниндзя*, приведены рецепты калорийных и жаждоутоляющих пилюль, ядов, лекарственных средств, описаны дома *ниндзя*.

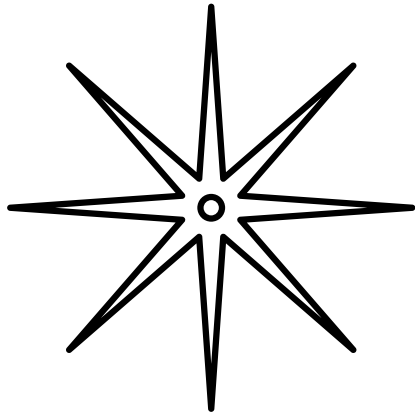
Надеюсь, что эта книга станет хорошим подспорьем для подлинных поклонников *ниндзюцу* и всех тех, кто интересуется военной историей и боевыми искусствами Японии и Востока.

В заключение я хотел бы высказать свою огромную признательность и благодарность всем, кто помог делом и советом в работе над этой книгой: наставнику школы Катори синто-рю Сергею Семенчуку, зарубежным коллегам: профессору Стивену Тёрнбуллу, Дону Роли, Джеффри Мюллеру, а также сотрудникам музея «*Ниндзюцу ясики*» города Ига Уэно за предоставленную возможность сделать фотографии различных устройств, приспособлений и оружия *ниндзя*.

Отдельное слово сердечной благодарности — моим художникам Алексею Астафьеву и Андрею Иванову, которые помогли подготовить иллюстрации к этой книге, потратив на это многие часы своего личного времени и огромные усилия.

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ НИНДЗЮЦУ

Глава 1

У ИСТОКОВ НИНДЗЮЦУ

К началу эпохи Нара (710–784) японский народ уже успел накопить солидный опыт в области военной разведки и шпионажа. Этот опыт был зафиксирован в древнейших письменных памятниках Страны восходящего солнца: «Кодзики» («Летопись древних дел», 712 г.) и «Нихонги» («Нихон сёки», «Анналы Японии», 720 г.).

Уже первое тысячелетие нашей эры было для Японии временем активных контактов с материком. Острова не раз становились прибежищем для китайских и корейских переселенцев, которые переправлялись на них целыми общинами. Как правило, семьи переселенцев выделялись высокой культурой, богатыми познаниями в различных отраслях. Дело в том, что основными причинами миграций были причины политические. Нашествия кочевников, государственные перевороты, восстания — всё это приводило в движение не столько крестьянскую массу, сколько правящие слои. Именно аристократы, образованные, тонченные, и бежали в Страну восходящего солнца.

Переселенцы привозили с собой свои представления о мире, верования, философские и этические представления, научные знания, производственные и технические навыки, письменность, литературу, искусство и, разумеется, военное дело. Так, с ними на острова проникли приемы и методы боя, даосские психомедитативные упражнения и буддийская магия, заложившие основу психологической подготовки самураев и ниндзя, замечательные трактаты по военному искусству и среди них — «Сунь-цзы», в котором впервые в мире была разработана теория военного и политического шпионажа.

Осознавая превосходство иммигрантов, японцы активно перенимали их достижения, а чуть позже стали сами ездить в Китай на учебу.

Большое влияние на становление японского искусства шпионажа оказали и традиции военного искусства Кореи. Дело в том, что в III–VII вв. н.э. японцы проводили активную политику в отношении Корейского полуострова и даже имели там свои владения. В общении

и столкновениях с корейскими государствами Силла, Пэкчэ и Когурё они знакомились с их военным искусством, которое в некоторых отношениях опережало в своем развитии военное искусство Японии. Этому способствовало то, что Корея раньше, чем Япония, оказалась втянута в сферу влияния китайской цивилизации. Поэтому многие достижения китайской культуры и, в частности, военной науки к тому времени, когда японцы лишь начинали с ними знакомиться, были корейцами уже освоены. И именно жители Страны утренней свежести впервые продемонстрировали японцам применение принципов китайской стратегии на практике, дали им первые уроки организованного шпионажа.

Таким образом, в первый период истории *ниндзюцу* сложилась основа, на которой в дальнейшем стало развиваться собственно японское искусство шпионажа.

ЛАЗУТЧИКИ ИЗ НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Во Введении уже говорилось о подсознательном стремлении японцев выводить истоки всякого явления от времен незапамятных. Поэтому нет ничего странного, что уже в старину предпринимались попытки отыскать корни *ниндзюцу* в мифологии. К тому же, если внимательно познакомиться с мифами «Кодзики» и «Нихонги», при наличии фантазии некоторые деяния богов можно интерпретировать и как прообраз разведывательно-шпионских операций. Например, в «Кодзики» и «Нихонги» рассказывается о том, как Таками мусуби-но ками, один из центральных богов японского пантеона, посылал нескольких богов рангом пониже во враждебную землю Идзумо, чтобы разведать положение дел и усмирить тамошних обитателей.

В качестве таких «разведчиков» в «Кодзики» и «Нихонги» упомянуто несколько богов, в том числе и покровители воинов и воинских искусств Такэмикадзути-но микото и Фуцунуси-но микото. Интересно, что с важнейшими центрами почитания этих богов, храмами Касима-дзингу и Катори-дзингу, связаны две крупнейшие школы японского боевого искусства: Касима синто-рю и Катори синто-рю, каждая из которых включает в свою программу свой вариант системы шпионажа и разведки — *синоби-но дзюцу*.

Миф о Таками мусуби-но ками как о прародителе *ниндзюцу*, по свидетельству Фудзиты Сэйко, претендовавшего именоваться 14-м патриархом школы Кога-рю Вада-ха, был популярен среди «невидимок» из Ига.

Воинские божества Фуцунуси-но микото (слева) и Такэмикадзути-но микото (справа). Со старинной гравюры

Ниндзя из Кога, по сведениям того же источника, тоже искали истоки своего искусства в мифологии, но признавали родоначальником ниндзюцу другого важного бога японского пантеона – Сусаноо-но микото.

Согласно «Кодзики», во время своих странствий Сусаноо-но микото повстречал старика со старухой и молодую девушку по имени Кусинада-химэ, которые сидели и плакали. Сусаноо поинтересовался, в чем причина их горя, и старик сказал ему: «Моих дочерей... Ямато-но ороты – Змей-страшилище Восьмихвостый-Восьмиголовый из Коси, каждый год являясь, проглатывает. Ныне время, когда он должен явиться...»

Тогда Сусаноо-но микото вызвался помочь несчастному семейству, но в награду потребовал Кусинаду-химэ в жены. Получив согласие родителей, он превратил девушку в гребень и спрятал его в своей косичке, а старику со старухой приказал: «Вы восьмижды очищенное сакэ сварите, а еще кругом ограду возведите, в той ограде восемь ворот откройте, у каждых ворот помост сплетите, на каждый тот помост бочонок для сакэ поместите, в каждый бочонок того восьмижды очищенного сакэ полным-полно налейте и ждите!»

Когда все было в точности исполнено, как и предполагалось, показался страшный змей Ямата-но ороги. Завидев такое изобилие прекрасной браги, он тут же в каждый бочонок по голове своей свесил и осушил все рисовое вино до последней капельки. После чего, естественно, опьянел, растянулся на земле и впал в сон. Тогда Сусаноо-но микото обнажил свой меч и порубил змея на кусочки.

На первый взгляд ничего особенно «ниндзевского» в этом эпизоде нет. Но, если вдуматься, здесь сокрыты две важнейшие идеи, которые легли в основу *ниндзюцу*. Во-первых, идея одоления большей силы при помощи хитрости. Во-вторых — идея слияния с естественным окружением и использования в маскировке самых обычных неприметных вещей, чтобы стать полностью невидимым для врага.

МИТИ-НО ОМИ-НО МИКОТО — РОДОНАЧАЛЬНИК ЯПОНСКОЙ КРИПТОГРАФИИ

С переходом от эры богов к эре героев в японской мифологии встречается еще больше претендентов на звание создателя *ниндзюцу*. Так, некоторые предания *ниндзя* из Ига и Кога называют основателем *ниндзюцу* Хи-но Оми-но микото.

В «Нихонги» рассказывается, что во время Восточного похода легендарного основателя японского государства императора Дзимму («Божественный воин»; по традиционной версии правил в 660–585 гг. до н. э.) Хи-но Оми-но микото вел его армию по незнакомой местности, следуя за священным вороном, посланным богиней солнца Аматэрасу оомиками. За это Дзимму дал ему имя Мити-но Оми-но микото — «Министр путей». По-видимому, в обязанности этого Мити-но Оми-но микото входили разведка местности, проводка армии и решение различных нестандартных ситуаций, что явствует из следующего эпизода.

Когда Мити-но Оми-но микото привел императора Дзимму в деревню Укэти в местности Уда, тамошний властитель Ё-Укаси решил убить вождя пришельцев. Но когда выяснилось, что армия Дзимму очень велика и в открытом бою с ней не совладать, он решил пойти на хитрость. Ё-Укаси укрыл свои войска в засаде и специально выстроил новый дворец с капканом внутри, чтобы заманить в него Дзимму. Однако младший брат Ё-Укаси — Ото-Укаси обо всем сообщил Дзимму, и тот выслал вперед Мити-но Оми-но микото, чтобы разведать обстановку. «Министр путей» сразу раскусил коварный план Ё-Укаси, и, как сообщает «Кодзики», он, вместе с другим соратником Дзимму — Окумэ-но микото, «вдвоем призвали к себе... Ё-Укаси и, бранью его осы-

пав, сказали так: «Во дворец, который возвел, ты первым и войдешь, и покажешь, как ты собираешься государю послужить», — ухватились за рукоятки мечей, копыя выставили, стрелы на луки наложили и загнали его туда. И тут же убило его тем капканом...»

Однако подлинное «ниндзевское» хитроумие Мити-но Оми-но микото проявилось несколько позже, когда Дзимму уничтожал последних врагов на равнине Ямато. Император приказал Мити-но Оми-но микото выкопать большую землянку в деревне Осака, устроить там пышный пир и пригласить на него 80 врагов, чтобы истребить их разом. Мити-но Оми-но микото в точности исполнил повеление императора. Отобрав лучших воинов, вооруженных мечами, он приказал им смешаться с врагами и по сигналу его песни броситься на врагов и убить их. Когда враги — хвостатые люди *цутигумо* («земляные пауки») — запьянели, Мити-но Оми-но микото запел:

В обширной подземной обители
В Осака
Много людей
Помещается.
Пусть много людей
Помещается, —
У храбрых парней Кумэ
Мечи с рукояткой, как молот,
Мечи каменные.
Сейчас нападут — ох, славно будет!

Услышав песню, воины Дзимму разом обнажили мечи и закололи всех *цутигумо* до единого. Считается, что это был первый случай шифрования информации, в данном случае — в виде песенки, в военной истории Японии. Этот факт отмечен во многих позднейших японских наставлениях по военному делу. И именно отсюда, из этого эпизода, *ниндзя* через много веков выводили истоки своего искусства «иньской речи» — профессионального жаргона, непонятного для других людей (арго).

От Мити-но Оми-но микото берет свое начало знаменитый военный род Отомо, давший немало видных военачальников и блестящих поэтов. Отомо были лучшими мастерами воинского искусства и служили в императорской охране. Из поколения в поколение они передавали секреты военного дела и, возможно, наставления по шпионажу и разведке. Интересно, что Отомо-но Якамоти первым удостоился звания *сёгун*, а Отомо-но Сайдзин, о котором речь пойдет далее, стал первым профессиональным шпионом в истории Японии, о котором упоминают источники.

ПОХИТИТЕЛИ СВЯЩЕННОЙ ГЛИНЫ

В описании Восточного похода Дзимму в «Нихонги» содержится и еще один весьма любопытный эпизод, который часто вспоминают исследователи истории *ниндзюцу*. Во время боев за местность Исо в области Ямато будущему императору никак не удавалось одолеть врага, но однажды во сне его посетило видение, из которого он узнал, что для победы нужно добыть глины со священной горы Ама-но Кагуяма и вылепить из нее священные кувшины. Задача была не из легких, так как Ама-но Кагуяма находилась в самом центре расположения вражеских войск. И тогда Дзимму решил прибегнуть к хитрости:

«Нарядил он Сипи-нэту-пико (Синэцухико) в рваную одежду, накинул соломенный плащ и шляпу, и тот стал похож на старца, а Ото-укаси на голову надел сито, чтобы стал он похож на старуху, и рек: «Отправляйтесь вдвоем на гору Ама-но Кагуяма, потихоньку наберите там глины и возвращайтесь...»

В тот момент вражеские воины теснились на дороге, и невозможно было пройти вперед. И вот Сипи-нэту-пико принес клятву-обет укэпи, сказав: «Если суждено моему государю этой страной овладеть, то пусть дорога сама по себе станет проходимой. Если же не суждено, то пусть враги нам путь преградят» — так сказал.

Как выговорил он эти слова, так они и двинулись в расположение врага. Тут увидели их два воина из вражеского стана, громко засмеялись и сказали: «Какие мерзкие старик и старуха!» И расступились, чтобы дать тем пройти. Так оба добрались до горы, набрали глины и благополучно вернулись».

Это описание считается первым в истории Японии описанием искусства переодевания для обмана врага (*хэнсодзюцу*), которое со временем стало одним из важнейших разделов *ниндзюцу*.

ЯМАТО ТАКЭРУ — ЦАРЕВИЧ-ДИВЕРСАНТ

Судя по всему, «ниндзевские» акции были в большом почете у жителей Японских островов. Даже члены императорской фамилии не гнушались прибегать к ним в случае необходимости. Самым ярким примером этого являются подвиги принца Ямато Такэру.

Ямато Такэру действует как заправский разведчик. Он и шагу не делает без предварительной разведки, активно использует военные и шпионские хитрости, умеет выживать в экстремальных ситуациях.

Принц Ямато был сыном императора Кэйко. Свои подвиги он начал с убийства старшего брата, впавшего в немилость у Кэйко. Сделал это он довольно оригинальным способом: по сообщению «Кодзики», когда рано утром брат зашел в отхожее место, Ямато Такэру неожиданно напал на него, «схватил, убил его, руки-ноги повыдергал, завернул тело в циновку и выкинул». Судя по всему, туалет у японцев был излюбленным местом для отправления на тот свет недругов при помощи неожиданного нападения. Во всяком случае, по легенде, знаменитый князь-военачальник XVI в. Уэсуги Кэнсин тоже лишился жизни — от рук вражеского ниндзя — в этой же части своих апартаментов.

Древнеяпонский воин

В то время Ямато Такэру было лет 15–16. Подивившись его силе и буйству, Кэйко решил найти им лучшее применение и отправил сына на остров Кюсю для усмирения двух непокорных братьев-богатырей из племени Кумасо, отказавшихся приносить дань.

Добравшись до земли Кумасо, Ямато Такэру занялся разведкой местности и ситуации. Выяснилось, что недруги заняты постройкой землянки и подготовкой к богатому пиру. Этим и решил воспользоваться царевич.

Когда настал день пира, принц переоделся в платье девушки, предусмотрительно заготовленное его теткой Ямато-химэ, и вместе с женщинами проник в землянку. Видимо, выглядел он в женском одеянии достаточно соблазнительно, так что братья Кумасо усадили его между собой и принялись веселиться. В самый разгар пиршества Ямато Такэру выхватил короткий меч и, держа старшего Кумасо за шиворот, пронзил ему грудь. Младший брат-богатырь попытался убежать, но Ямато Такэру изрубил его, «словно спелую дыню».

Не дожидаясь дальнейших повелений отца, царевич добрался до земли Идзумо с намерением убить тамошнего богатыря Идзумо Такэру. Поклявшись в дружественности своих намерений, Ямато легко вошел в доверие к простоватому силачу и преспокойно стал подготавливать

его убийство. Он изготовил деревянный меч и, выдавая за настоящий, подвесил его у пояса. Вместе купались богатыри в реке Хи. Когда царевич вышел из воды, он предложил Идзумо Такэру побрататься. В знак дружбы и верности богатыри обменялись мечами. В руки богатыря Идзумо перешла деревянная подделка, а Ямато Такэру заполучил боевой клинок. Через некоторое время хитроумный царевич предложил простоватому богатырю Идзумо помериться силами в поединке на мечах. Тот согласился, но деревянный клинок попросту застрял в ножнах. Легко догадаться, чем все закончилось.

Отдых Ямато Такэру от бранных дел длился недолго — Кэйко сразу же отправил сына усмирять непокорные племена востока. Этот поход оказался труднее прежних. На этот раз обманутым оказался сам герой. Правитель земли Самагу заманил его в поле и поджег траву. Пламя приближалось к богатырю. Но он благополучно вышел из опасной ситуации благодаря своей находчивости. Правда, в описании конкретного события, к которому он прибегнул, источники расходятся. По одной версии, он прорубил путь в траве волшебным мечом, который за это получил имя «Кусанаги» — «Режущий траву». По другой — при помощи кресала пустил встречный огонь и таким образом сбил пламя. Зато в концовке все источники едины: в наказание за вероломство Ямато Такэру истребил весь род местного правителя и отправился дальше.

Впрочем, странствовать ему пришлось недолго. Сраженный ядом злобного змея, богатырь вскоре умер.

КИТАЙСКИЕ ИСТОКИ ЯПОНСКОГО НИНДЗЮЦУ

Уже говорилось, что военное искусство Японии на начальном этапе своего развития испытало сильное влияние со стороны китайской традиции. Что же касается искусства шпионажа, то к тому времени, о котором идет речь, китайцы уже накопили огромный опыт в этой области.

Истоки шпионажа в Китае, согласно легенде, восходят к легендарным прародителям китайского народа Фу И и Желтому императору Хуан-ди (по традиционной версии правил в 2696–2597 гг. до н. э.). В классическом произведении по военному искусству «Ли Вэй-гун вэньдуй» («Диалоги Ли Вэй-гуна») говорится: «По законам войны, идущим еще от Хуан-ди, на первом месте стоит правильный бой, на втором — маневр, на первом месте — гуманность и справедливость, на втором — хитрость и обман».

Традиция утверждает, что шпионаж в Китае достиг значительного развития уже во времена правления императора династии Ся (XX–XIX вв. до н. э.) Сюань Юань-ди. И, как указывает стратег Сунь-цзы в своем трактате, даже воцарение династий Инь и следующей за ней Чжоу не обошлось без участия шпионов.

Образование древнего царства Инь, сменившего царство Ся, по традиционной хронологии относится к 1766 г. до н. э. Согласно преданию, Ся пало потому, что жестокость его последнего правителя Цзе-вана подняла против него все население: и народ, и князей. В княжестве Шан в то время правил мудрый и добрый Чэн Тан. Он быстро стал главой восставших и, разбив Цзе-вана, вступил на престол.

Большую роль в свержении Ся сыграл И Чжи, который находился на службе у Цзе-вана и был добродетельным, в конфуцианском смысле, человеком. Эти свойства настолько прославили его, что Чэн Тан, еще будучи шанским князем, вызвал его к себе и сделал своим наставником и руководителем. Когда Тан-ван поднял восстание, И Чжи находился в столице Цзе-вана и во всех подробностях знал положение противника. Вероятно, именно поэтому Тан-ван смог добиться успеха.

Аналогичная история повторилась и при падении династии Инь, основанной Чэн Таном, и водворении на ее место династии Чжоу (1144 г. до н. э.). Последний государь из династии Инь — Чжоу-ван — также был свирепым тираном, в котором ничего не осталось от добродетельного предка. И опять вся страна поднялась против угнетателя. И опять среди местных властителей оказался добродетельный и храбрый князь — У-ван, глава чжоуского княжества, который сверг Чжоу-вана и стал основателем новой династии.

В это время слугой иньских властителей был Люй Я (Люй Шан), которого конфуцианская традиция представляет благородным мужем. Впоследствии под именем Тай-гун вана он прославился как теоретик военного искусства. Его не сумел оценить его законный государь, но полностью оценил У-ван. Еще отец У-вана — Вэнь-ван, повстречав однажды на охоте Люй Я, сразу признал в нем мудреца. Когда чжоуский У-ван восстал, Тай-гун ван находился у иньского Чжоу-вана и хорошо знал положение противника. Поэтому У-ван с легкостью добился победы.

Таким образом, уже в древнейший период китайцы имели прекрасную возможность оценить возможности шпионов, которые подчас оказывались причастны к низвержению целых государств. Поэтому военачальники Срединного царства исстари весьма активно использовали тайных агентов, чтобы подточить изнутри силы врага.

В 236–229 гг. до н. э. шла война между княжествами Цинь и Чжао. Во главе циньской армии стоял известный полководец Ван Цзянь.

Войсками княжества Чжао командовал Ли Му, прославившийся искусной защитой северных границ княжества от нападений гуннов и соединивший в себе ум и храбрость. Из-за него циньские войска терпели поражение за поражением: был наголову разбит один из крупных военачальников — Хуан Яо, и сам главнокомандующий Ван Цзянь оказался в опасном положении. Тогда Ван Цзянь понял, что в открытом бою ему не справиться с таким противником, и решил действовать иными средствами.

При дворе его противника, чжаоского князя, находился некий Го Кай. Он был любимцем князя. Ван Цзянь знал, что Го Кай завидует успехам Ли Му, боится его влияния на правителя и ищет случая его устранить. Поэтому Ван вошел с ним в тайные сношения, поднес ему большую сумму денег и якобы дружески предупредил его, что Ли Му ждет только конца кампании, чтобы расправиться с ним. Так как это совпало с предположениями самого Го, тот, не задумываясь, отправился к князю и наговорил ему, будто Ли Му замышляет его убить, перейти на сторону Цинь и получить из рук циньского князя княжество Чжао. Чжаоский князь поверил фавориту, отозвал Ли Му из армии и казнил его. Вместо Ли Му во главе армии были поставлены два других, совершенно неспособных военачальника. Последствия устранения искусного полководца быстро сказались: всего через три месяца армия Чжао была наголову разбита циньскими войсками.

Китайцы прекрасно освоили тончайшую игру интриг, научились просчитывать замыслы и ходы противника и использовать их себе на пользу. Вот пример весьма хитроумной операции.

Дело было во время войны между княжествами Цзинь и Шу (первая половина IV в. до н. э.). Войсками Шу командовал Ли Сюн. Во главе цзиньских войск стоял Ло Шан. Борьба велась без каких-либо результатов для обеих сторон. Тогда Ли Сюн решил прибегнуть к хитрости. Он знал, что Ло Шан непременно воспользуется любой возможностью, чтобы приобрести себе в лагере противника шпиона, и решил эту возможность ему предоставить. По его плану в качестве «обратного шпиона» должен был выступить преданный вассал Пу Тай. Однажды Ли Сюн при всех придворных обвинил Пу Тая в разных провинностях и приказал страже жестоко избить его. Затем окровавленного сановника за ноги выволокли из дворца и швырнули в ров. Спустя некоторое время Пу Тай, удалившийся в глухую деревушку, тайно вступил в контакт с Ло Шаном, а затем и вовсе перебежал к нему вместе с самыми преданными друзьями, семьей и челядью.

Ло Шан поверил, что Пу Тай горит жадной мести, ввел его в свое окружение и даже назначил помощником командующего армией. Под предлогом мести Ли Сюну Пу Тай разработал план разгрома армии Шу.

По этому плану сторонники Пу Тая должны были убить своего начальника и огнем подать сигнал о нападении войскам Ло Шана. Ло Шан согласился. Когда в лагере Ли Сюна показался огонь, 100 отборных воинов Ло Шана, стоявших наготове, тотчас же ринулись в атаку. Предполагалось, что в суматохе им без труда удастся проникнуть внутрь укрепления противника. Однако все они были убиты, а войска Ло Шана, двинувшиеся на штурм вражеского лагеря, попали в засаду и были разбиты. Сам Пу Тай в решающий момент битвы вместе со своими соратниками убил Ло Шана, его сына-наследника и главнокомандующего, обезглавив цзиньское войско. После этого он приказал воинам не оказывать сопротивления Ли Сюну, и княжество Цзинь пало без боя.

В китайской практике в качестве шпионов чаще всего выступали послы. Попав в стан врага, они старались повлиять на обстановку, подкупая чиновников и военачальников, натравливая их друг на друга. Нередко послы играли роль «шпионов смерти». Их направляли к противнику, чтобы отвлечь его внимание притворными переговорами о заключении мира. И когда противник, поверив заверениям, ослаблял бдительность, противная сторона предпринимала решительную военную операцию. Правда, в этом случае посла, находившегося для прикрытия в стане противника, ждала неминуемая смерть.

В китайских летописях описан случай, произошедший во время борьбы ханьского императора Гао-цзу (206–195 гг. до н.э.) с княжеством Ци. Гао-цзу понимал, что ему будет нелегко одолеть противника обычным путем. Поэтому он решил притворно вступить с ним в мирные переговоры и с этой целью направил в Ци послом искусного дипломата Ли Ши-цы. Тот так ловко повел дело, что циский князь не только согласился на мир, но и отвел свои войска с границ. Этого только и ждал Гао-цзу. Как только границы лишились защиты, его полководец Хань Синь вторгся в пределы Ци. Посол был казнен, но это не спасло циское княжество от разгрома.

От послов-шпионов не требовалось умения переодеваться, подкрадываться и физически устранять врага. Для них важнее было понимание психологии, взаимоотношений между людьми, умение точно оценить баланс сил во вражеском стане, военно-политическое положение государства. В основном это зависело от личных качеств посла, его таланта, а не от специальной подготовки. Возможно, поэтому в Китае в древности и не сложилась цельная система подготовки шпионов, из-за чего китайские агенты нередко «садились в лужу». Так, в III в. до н.э., во время борьбы, которую вели циньские войска против Чжао Шэ, они подслали в его лагерь шпиона, но тот ничего не мог разведать. Ничего не могли разузнать и шпионы царства Чу, посланные в лагерь Гао-цзу. Известно немало других случаев некомпетентности китайских шпионов.

Однако именно китайцы, а точнее — китаец по имени Сунь У, более известный как Сунь-цзы, впервые в мировой истории сумели разработать теорию шпионажа. И не только... Сунь-цзы создал единую концепцию военного искусства, глобальную по охвату и удивительную по глубине постижения закономерностей любого столкновения — будь то война, отдельное сражение или даже рукопашный поединок. Она оказала определяющее влияние на всю дальневосточную традицию военного искусства. Поэтому на военной доктрине Сунь У, изложенной в трактате «Сунь-цзы», следует остановиться особо.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА СУНЬ-ЦЗЫ

С точки зрения Сунь-цзы, война есть борьба, в ближайшем смысле — противоборство двух армий. Однако борьба на войне, считает Сунь-цзы, не является чем-то резко отличным по своей природе от борьбы вообще: это такая же борьба, как и всякая другая. Поэтому китайский стратег ставит ее в один ряд с борьбой дипломатической, политической и всякой иной. Отличие только в одном: из всех видов борьбы «нет ничего труднее, чем борьба на войне».

Борьба ведется ради выгоды. «Получение выгоды и есть победа» — так воспринимает учение Сунь-цзы комментатор Ван Чжэ. Важно понять, что победа нужна не сама по себе, победа есть только средство для получения выгоды. Понятие выгоды приложимо к каждому частному проявлению борьбы: борьба за позицию есть борьба за овладение теми стратегическими выгодами, которые эта позиция представляет для занявшего ее, и т. д.

Понятию выгоды у Сунь У подчинены все стратегические расчеты. Выгода направляет всю тактику. Но выгода — не только цель, но и средство. Противник также сражается ради выгоды. А если так, то, управляя этой целью, можно управлять и его действиями. Это значит, что цель для противника нужно уметь превратить в средство для себя. Именно на этом Сунь У строит свое учение о завлечении противника, о принуждении его к тем или иным желательным действиям. Заставить врага предпринять нужное действие можно, предоставив ему какую-либо временную, незначительную, а то и прямо призрачную выгоду. «Уметь заставить противника самого прийти — это значит заманить его выгодой».

Борьба на войне, как и всякая борьба, может привести к успеху или к неудаче. Успех для Сунь У состоит в получении выгоды. Неудача есть опасность. Война — самый трудный вид борьбы, а значит, и наи-

Китайские военачальники. Со старинной гравюры

менее выгодный, и наиболее опасный. Почему наименее выгодный? Сунь-цзы наставляет: «Наилучшее — сохранить государство противника в целости, на втором месте — сокрушить это государство. Наилучшее — сохранить армию противника в целости, на втором месте — разбить ее». Если война ведется ради выгоды, то выгоднее овладеть страной противника, не разорив ее, лучше подчинить себе армию противника, не уничтожая ее, а получив возможность распоряжаться ее живой силой и материальными ресурсами.

Но на войне неминуемо хотя бы частичное уничтожение того, чем стремятся овладеть. Поэтому война — наименее выгодный способ приобретения выгод. «Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь».

В войне на карту ставится все. Об этом говорится в самом начале трактата: «Война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели». Поэтому, прежде чем решиться на войну, необходимо испробовать все прочие средства. Какие же это средства?

Во-первых, надо разбить замыслы противника, то есть искусной политикой разрушить план агрессивно настроенного соседа и соответствующими мероприятиями в своей стране сделать осуществление его замыслов невозможным. «На следующем месте — разбить его союзы», то есть добиться международной изоляции врага, когда он вряд ли может решиться на нападение. И только на третьем месте — «разбить его армию».

Сунь-цзы — сторонник блицкрига. Вся 11-я глава его трактата посвящена аргументации этой доктрины. Сунь У отвергает длительную войну потому, что она невыгодна: «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству». Понять эту мысль несложно: затяжная война ведет к гибели многих людей, к материальным потерям, финансовым затруднениям, к упадку хозяйства и в итоге к разорению страны, бунту и крушению государства.

Как же предупредить такие опасности? Сунь У указывает один способ, которым можно если не полностью устранить трудности войны, то, во всяком случае, значительно облегчить их: надо переложить все тяготы войны на плечи противника, а для этого — перенести военные действия на его территорию. Однако таким путем проблему не решить. Решительное средство — это вступить в войну подготовленным во всех отношениях и провести ее быстро. Ввиду этого в трактате много места отведено вопросам подготовки войны.

Сунь У различает две стороны подготовки: политическую и военную, внутри которых вычленяются подпункты. Прежде всего, стратег

говорит о внутривполитической подготовке: воевать можно тогда, когда «мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений».

К области военной подготовки Сунь У относит формирование армии, ее оснащение, хорошую организацию, надлежащим образом поставленное руководство и налаженное снабжение. Из всего этого складывается полнота боевой подготовки. Сунь У в весьма энергичных выражениях требует: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю его нападение на себя невозможным для него».

Очень большое значение Сунь-цзы придает полководцу: хороший полководец — «сокровище для государства». Он — «властитель судеб народа... хозяин безопасности государства». В связи с этим стратег предъявляет к полководцу очень высокие требования. В первую очередь он требует от него наличия пяти качеств: ума, беспристрастности, гуманности, мужества, строгости. Уму придается первостепенное значение.

После того как проведена вся нужная подготовка, необходимо выработать план войны, который должен быть основан на том, что Сунь-цзы называет «расчетами». «Расчеты» — это предварительный учет обстановки, соотношения сил и боевой подготовки.

Что же подлежит учету? Всё, что касается себя и противника, причем именно в сопоставлении. Только знание этого соотношения и может стать прочным основанием оперативного плана. Конкретно взвесить нужно следующее: «Кто из государей обладает Путем? (На языке Сунь-цзы это означает: у кого в стране достигнуто единство «мыслей народа с мыслями правителя».) У кого из полководцев есть таланты? (То есть перечисленные выше качества.) Кто использовал Небо и Землю? (То есть учел факторы времени и пространства.) У кого выполняются правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены? У кого правильно награждают и наказывают?» Таким образом, взвешиванию подлежат и материальные, и организационные, и моральные факторы войны.

Разумеется, эти расчеты могут быть произведены лишь тогда, когда в распоряжении имеются соответствующие данные, полное знание обеих сопоставляемых сторон. Знание самого себя естественно. Но требуется полное знание еще и противника. Эту мысль Сунь У выражает в своих знаменитых словах: «Если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не

знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение».

Но как получить знание противника? Ответ Сунь У однозначен: «Знание положения противника можно получить только от людей». То есть от тайных агентов, шпионов. Подробнее мы поговорим об этом далее.

Сунь У исключительно высоко оценивает значение предварительного расчета: «Кто еще до сражения побеждает предварительным расчетом, у того шансов много; кто еще до сражения не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много — побеждает; у кого шансов мало — не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня — при виде этого одного — уже ясны победа и поражение».

Конечно, враг тоже будет стремиться собрать необходимую информацию. Поэтому Сунь У уделяет большое внимание сохранению военной тайны. «Передвигая войска, действуй согласно своим расчетам и планам и делай так, чтобы никто не мог проникнуть в них». Замыслы полководца не должны быть известны не только противнику, но и собственной армии, даже подчиненным командирам. Более того, Сунь-цзы советует намеренно вводить в заблуждение не только противника, но и своих солдат. «Полководец должен сам быть всегда спокоен и этим непроницаем для других... Он должен уметь вводить в заблуждение глаза и уши своих офицеров и солдат и не допускать, чтобы они что-либо знали. Он должен менять свои замыслы и изменять свои планы и не допускать, чтобы другие о них догадывались. Он должен менять свое местопребывание, выбирать себе окружные пути и не допускать, чтобы другие могли что-нибудь сообразить».

По Сунь-цзы, победа в сражении — это результат соединения собственной непобедимости для противника с возможностью победить его. Собственная непобедимость — это результат доведенной до полноты обороны. Возможность победить противника сводится только к одному — к способности наступать. Настоящая оборона — это не признак слабости. Наоборот, она — признак силы. Об нее разбиваются все усилия противника. Она есть непобедимость. Однако «когда обороняются, значит, есть в чем-то недостаток». «Тот, кто хорошо сражается, может сделать себя непобедимым, но не может заставить противника обязательно дать себя победить», — учит стратег. Именно этого недостает обороняющемуся: возможности победить. Недостает ее потому, что возможность победы над противником заключена в нем самом. Поэтому «в древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего делал себя непобедимым и в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника». «Когда нападают, значит, есть все в избытке», — кратко говорит Сунь-цзы.

Как же всё-таки одерживают победу? «Тот, кто хорошо сражается, стоит на почве невозможности своего поражения и не упускает возможности поражения противника». «Наука верховного полководца состоит в умении оценить противника, организовать победу». Что же подлжет наблюдению и оценке? «Полнота» и «пустота», — отвечает Сунь У.

Под «полнотой» Сунь У подразумевает полноту боевой подготовки, способность к активным действиям, полную неуязвимость для противника. Под «пустотой» подразумевается несовершенство подготовки, слабая способность к действиям, уязвимость. Вместе с тем слово «полнота» Сунь-цзы прилагает и ко всякому частному случаю, называя так всякий сильный пункт; словом же «пустота» называет любой слабый, уязвимый пункт. Именно за этой «пустотой» у противника, за его дефектами, недостатками, слабыми, уязвимыми сторонами и должен следить полководец. Поэтому особенно важно, чтобы он умел оценивать, так как лишь опытный глаз может открыть наличие уязвимого пункта.

В этом плане характерно название, которое прилагает Сунь У к шпионам: «цзяньчжэ» (по-японски кандзя), где «чжэ» — «человек», а «цзянь» — «промежуток», «щель», через которую шпион проникает во вражеский стан, та «пустота», которую он должен обнаружить у врага.

Полководец должен «пустоте» противника противопоставить свою «полноту», уязвимости противника — собственную неуязвимость, причем именно там, где обнаружилась уязвимость противника. Если у противника обнаружилось утомление, нужно противопоставить ему свежесть своих сил; если у него появился недостаток боеприпасов, нужно противопоставить полноту своего снабжения и т.д. Полководец, сумевший открыть уязвимый пункт противника и противопоставить ему свою собственную неуязвимость, уже тем самым победил. Сражение только оформляет уже достигнутую победу. Сунь У уподобляет удар победившей армии по армии, в сущности, побежденной удару «камнем по яйцу», «полным по пустому».

Однако «пустота» и «полнота» взаимопреходящи. Японский комментатор Огу Сорай пишет: «Полнота и пустота так меняются, так переходят друг в друга, что между ними нельзя просунуть даже тончайшего волоска. То, что до сих пор было полнотой, вдруг меняется и становится пустотой; то, что до сих пор было пустотой, вдруг меняется и становится полнотой. Как нет раз навсегда установленной полноты, так нет и раз навсегда установленной пустоты».

Сунь У, как говорилось выше, устанавливает положения собственной непобедимости и возможности победить. Первое положение Сунь-цзы связывает с понятием обороны, второе — с понятием наступления. При этом в каждом положении заключены и признак слабости, и при-

знак силы. Положение обороны — это положение силы, при нем противник не может победить. Но в то же время оно — признак слабости, поскольку и противника нельзя победить. Точно так же и с наступлением. Наступление — это состояние, когда я могу победить противника. Но возможность победить, присущая мне, реализуется не одним мной, но и противником, который должен сделать возможным свое поражение. Поэтому в наступлении есть своя сила — возможность победы и своя слабость — зависимость победы от состояния противника.

Но этим не исчерпывается диалектика этих двух явлений. Они сами по себе стоят в диалектическом отношении друг к другу, так как наступление и оборона — по сути дела одно и то же. Окончательную формулу внутреннего соотношения обороны и наступления дает комментатор «Сунь-цзы» Ли Вэй-гун: «Наступление есть механизм обороны, оборона — орудие наступления. Если наступать, не обороняясь, и не обороняться, наступая, это значит не только считать эти два действия разными вещами, но и видеть в них два различных действия по существу».

Таков закон изменений и превращений «полноты» и «пустоты». Но Сунь У далек от мысли, что следует ограничиться только его наблюдением и констатацией. Он допускает вмешательство в процесс изменений и превращений и более того — овладение им.

Прежде всего, по Сунь У, нужно познать «изменения». Причем это знание не должно быть пассивным, оно должно иметь направленность, целеустремленность. Полководец должен познавать процесс изменений, чтобы обнаруживать в нем то, что ему может быть выгодно. И тогда это знание станет силой. Вообще, процесс изменений и превращений для китайцев есть не что иное, как мировой процесс, содержание всего бытия. Поэтому тот, «кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, называется божеством».

Уже говорилось, что Сунь-цзы считал, что лучше одерживать победу, не воюя. Он указывает: «Можно, не притупляя оружия, иметь выгоду: это и есть правило стратегического нападения». Для этого нужно поставить противника в такое положение, когда он увидит, что борьба бесполезна и что остается только одно — сдаться. Сунь У полагает, что это вполне возможно, если полководец владеет стратегическим искусством, то есть понимает в совершенстве процесс изменений и превращений на войне и умеет им распоряжаться.

Стратегическое нападение состоит из умелого действия категориями, которую Сунь У называет «формой». «Форма» — это общее состояние армии, ее потенциальная мощь. Она представляет собой производное от «полноты» и «пустоты», она зависит от соотношения сильных и слабых сторон. Поэтому оперирование «формой» есть, по сути дела, опе-

рирование сильными и слабыми сторонами. Эта «форма» должна быть нераспознаваема для противника, чтобы от него были скрыты все мои потенции. «Поэтому предел в придании своему войску формы — это достигнуть того, чтобы этой формы не было», — говорит Сунь-цзы. «Когда формы нет, даже глубоко проникший лазутчик не сможет что-либо подглядеть, даже мудрец не сможет о чем-либо судить». Следовательно, истинная «форма» должна быть от противника скрыта; ему должна быть видима только та «форма», которую я хочу ему показать. И тогда эта демонстрируемая ему «форма» становится орудием стратегического — в широком смысле слова — нападения.

Сунь У утверждает: «Если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы не буду иметь, я сохраню цельность, а противник разделится на части. Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на части, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятью нападу на его единицу...» Сунь-цзы уверен в безошибочном действии этого маневра: «Когда тот, кто умеет заставить противника двигаться, показывает ему форму, противник обязательно идет за ним». Поэтому можно и нужно управлять действиями противника так, чтобы поставить его в положение неизбежной капитуляции. Для этого есть различные средства. «Когда противнику что-либо дают, он обязательно берет; выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью». Это значит, что орудия стратегического нападения — выгода и вред. Воздействовать выгодой значит воздействовать приманкой. Создание же угрозы — действие «вредом». «Уметь заставить противника самого прийти — это значит заманить его выгодой; уметь не дать противнику пройти — это значит сдержать его вредом».

Орудиями стратегической борьбы могут быть и такие действия, как наступление и оборона. Комбинируя наступление и оборону, нужно добиваться того, чтобы противник не знал, где он будет со мной сражаться: раз он этого не знает, значит, он должен быть наготове во многих местах, то есть распылить силы. И тогда мой перевес в силах обеспечит почти верную капитуляцию противника и уж наверняка — победу.

Первое и основное правило стратегии Сунь У определяет так: «Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой». Речь идет о сохранении в своих руках всей полноты инициативы. В этом правиле, в сущности, резюмируется вся стратегическая теория Сунь-цзы. Всё остальное — лишь развитие этого принципа. Управлять действиями противника — это значит, во-первых, управлять его движениями: заставлять идти туда, куда я хочу, и не давать идти туда, куда я не хочу; во-вторых, управлять его боевыми действиями: заставлять его принимать бой там и тогда, когда это мне выгодно, и

не давать ему возможности вступить со мной в бой, когда это мне не выгодно.

Сохранить за собой всю полноту стратегической и тактической инициативы можно, во-первых, путем предупреждения противника во всех его действиях. Второй способ управления действиями противника — овладеть тем, что ему дорого: «Захвати первым то, что ему дорого. Если захватишь, он будет послушен тебе». Близко к этому способу действий подходит прием «нападения на то, что противник не может не защищать». Еще один способ — стратегическое маневрирование, вынуждающее противника к тем или иным действиям: «Если я не хочу вступить в бой, пусть я только займу место и стану его оборонять, все равно противник не сможет вступить со мной в бой. Это потому, что я отвращаю его от того пути, куда он идет». Хорошим средством управлять действиями противника Сунь-цзы считает и действия, являющиеся для противника неожиданностью, которыми можно вызвать у него полную растерянность. «У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать». Сунь У считает, что полководец, умеющий так действовать, является «властителем судеб противника».

Таков общий закон ведения войны. На него опираются общая тактика и частная тактика. В основе общей тактики лежит положение: война — это путь обмана. Сунь-цзы говорит о различных приемах военной хитрости: тактической маскировке, различных предосторожностях, использовании недостатков или ошибок противника, воздействии на него изнутри, воздействии на его психологию. При этом хитрости, обману он придает такое значение, что считает возможным заявить: «В войне устанавливаются на обмане».

К области общей тактики относится и развиваемая Сунь-цзы теория «прямого и обходного путей». Особое значение стратег придает тому, что он называет «тактикой обходного пути». Для Сунь-цзы в обходном пути скрывается прямой; обходный путь нередко ближе и вернее ведет к цели, чем прямой: «Кто заранее знает тактику прямого и обходного пути, тот побеждает. Это и есть закон борьбы на войне».

Главнейшим условием всех действий на войне Сунь-цзы считает быстроту. Быстрота сама по себе уже представляет мощь. Удар по противнику, если он производится с быстротой, «подобной ветру», уже тем самым обладает сокрушительной силой. Сунь-цзы особо указывает, что лучшим на войне является быстрое вторжение на территорию противника. Он рекомендует внимательно следить за всеми действиями врага и подстеречь удобный момент, когда тот приоткрывает себя. Умение подстергать малейшую оплошность противника при одновре-

менной искусной маскировке собственных намерений Сунь-цзы характеризует очень образно: «Сначала будь как невинная девушка — и противник откроет у себя дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц — и противник не успеет принять мер к защите».

Частная тактика Сунь-цзы состоит из правил о том, как вести бой в различных местностях в зависимости от их топографических и стратегических свойств, как действовать в различных случаях численного соотношения сил сторон и т. д. Сюда же относятся и правила тактической разведки.

Сунь-цзы говорит: «Действий в сражении всего только два — правильный бой и маневр... Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром». При этом стратег подчеркивает, что непроницаемой стены между этими двумя приемами боя нет. Наоборот, их соотношение такое же диалектическое, как и всех прочих элементов стратегии и тактики. Правильный бой в известных условиях переходит в маневр, маневр — в правильный бой. «Действий в сражении всего только два... но изменений в правильном бою и маневре всех и исчислить невозможно. Правильный бой и маневр взаимно порождают друг друга, и это подобно круговращению, у которого нет конца». Таким образом, и в этой области боя господствует закон изменений и превращений, и как всегда, секрет победы заключается в том, чтобы этими изменениями и превращениями овладеть.

Последнее, что осталось отметить в тактике Сунь-цзы, это его учение об ударе. Он требует, чтобы удар был стремительным, рассчитанным, коротким, сокрушительным. Удар наносит не что иное, как «мощь» армии, то есть ее потенциальная сила, слагающаяся из ряда вышеопианных взаимодействующих элементов.

Такова в общих чертах военная доктрина Сунь-цзы. Как видим, она опирается на глубочайшее философское понимание борьбы вообще. Именно в этом кроется причина ее колоссального влияния на многие сферы жизни — в том числе и на японское искусство *ниндзюцу*.

УЧЕНИЕ СУНЬ-ЦЗЫ И СТРАТАГЕМЫ

Значение трактата «Сунь-цзы» с точки зрения исследования истории *ниндзюцу* заключается не только в том, что в нем впервые в мировой практике было дано систематическое описание конкретных методов использования шпионов. Вклад китайского стратега в развитие *ниндзюцу* огромен потому, что в своем сочинении он сформулировал особый принцип военного искусства — принцип «стратегического на-

падения» (перевод Н. И. Конрада) или «нападения посредством стратагемы» (перевод Л. Джайлза).

Перечисляя в I главе своего трактата качества, которые требуются от хорошего полководца, Сунь-цзы на первое место поставил ум. И это не случайно. В главе «Стратегическое нападение» это требование находит свое объяснение. Полководец должен уметь победить, не сражаясь. А это значит, что он должен уметь «размышлять», «вырабатывать план», «уметь нападать замыслом», «нападать планом». «Самая лучшая война — разбить замыслы противника», — говорит Сунь У. Китайский комментатор Ду Ю пишет: «Тот, кто умеет устранить бедствие, справляется с ним, когда оно еще не зародилось; тот, кто умеет победить противника, побеждает его, когда он еще не имеет формы».

Победить опасность прежде, чем она оформится, можно только в том случае, если удастся заранее раскрыть замысел врага и самому, в свою очередь, разработать такой стратегический план, который позволит при помощи скрытых действий, не вступая в открытое военное противоборство, разрушить его планы. Такие стратегические планы в современной науке называют стратагемами (по-китайски *чжимоу*, *молюэ*).

Стратагема — это такой стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Стратагемность как метод составления и использования стратагем зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Уже в «И-цзине», знаменитой гадательной «Книге перемен», основное содержание которой датируется X–VIII вв. до н. э., намечаются некоторые стратагемные варианты поведения.

Стратагема подобна алгоритму, она организует последовательность действий. Стратагемность — это способность предвидеть последствия поступков. Раскрывая способность просчитать ходы в политической или военной игре, а порой и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и свойств противника, она служит образцом активной дальновидности. В Китае уже за несколько столетий до нашей эры выработка стратагем вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями.

Умение составлять стратагемы свидетельствовало о способностях человека, а наличие плана вселяло уверенность в успехе. Поэтому издревле стратегия и стратегические планы стали пользоваться большим уважением. Состязание в составлении и реализации стратагем шло во всем — от политики до игры в китайские облавные шашки (*вэй-ци*). Появился даже специальный термин *чжидоу*, обозначающий такую состязательность. Стратагемность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии китайцев.

В процессе практики составления и применения стратегических планов сложилась система из 36 классических стратагем. Впервые 36 стратагем упоминаются в «Истории династии Южная Ци», составленной Сяо Цзысяном (489–537). В этом произведении они названы «36 стратагем почтенного господина Тана». Под «господином Таном» имеется в виду знаменитый полководец династии Южная Сун — Тан Даоцзи (420–479).

Точно не известно, что представляли собой «36 стратагем господина Тана», но до наших дней сохранились два позднейших трактата, в которых описаны 36 стратагем. Первый датируется концом династии Мин (1368–1644) и называется «36 стратагем. Тайная книга воинского искусства». Второй называется «Философия Хунмэнь». Он принадлежит тайному обществу Хунмэнь, основанному, по преданию, китайскими патриотами около 1674 г. для борьбы против чужеземной маньчжурской династии Цин (1644–1911) и восстановления коренной династии Мин. Оба трактата были опубликованы в XX в. Начиная с середины XX в., в КНР, Гонконге и на Тайване многомиллионными тиражами был издан целый ряд исследований 36 стратагем. В 1980-е гг. подробные исследования 36 стратагем были опубликованы в Корее и Японии, что показывает их популярность на всем Дальнем Востоке.

Трактат Сунь-цзы, в котором великий китайский стратег требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем, сыграл едва ли не главную роль в развитии стратагемности и того, что японцы называют *боряку* — «хитрость, уловка, маневр, интрига, заговор». *Боряку* стало одним из ключевых элементов теории и практики *ниндзюцу*, а сами стратагемы и принцип использования стратегических планов с расстановкой ловушек противнику явились фундаментом всего этого искусства. Поэтому Сунь-цзы без преувеличения можно назвать отцом *ниндзюцу* как особого искусства.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ШПИОНОВ В ДОКТРИНЕ СУНЬ-ЦЗЫ

Глава «Использование шпионов» занимает в «Сунь-цзы» одно из главнейших мест. Объясняется это исходными посылками автора, который утверждает необходимость знания себя и противника и использования обмана. При этом шпионы — это единственный достоверный источник информации о враге. И Сунь У пишет о них:

«1. ...Когда поднимают стотысячную армию, выступают в поход за тысячу миль, издержки крестьян, расходы правителя составляют в

день тысячу золотых. Внутри и вовне — волнения; изнемогают от дороги и не могут приняться за работу семьсот тысяч семейств.

2. Защищаются друг от друга несколько лет, а победу решают в один день. И в этих условиях жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника — это верх негуманности. Тот, кто это жалеет, не полководец для людей, не помощник своему государю, не хозяин победы.

3. Поэтому просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед.

4. Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем умозаключений по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от людей.

5. Поэтому пользование шпионами бывает пяти видов: бывают шпионы местные, бывают шпионы внутренние, бывают шпионы обратные, бывают шпионы смерти, бывают шпионы жизни.

6. Все пять разрядов шпионов работают, и нельзя знать их путей. Это называется непостижимой тайной. Они — сокровище для государя.

7. Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника и пользуются ими; внутренних шпионов вербуют из его чиновников и пользуются ими; обратных шпионов вербуют из шпионов противника и пользуются ими. Когда я пускаю в ход что-либо обманное, я даю знать об этом своим шпионам, а они передают это противнику. Такие шпионы будут шпионами смерти. Шпионы жизни — это те, кто возвращается с донесением.

8. Поэтому для армии нет ничего более близкого, чем шпионы; нет больших наград, чем для шпионов; нет дел более секретных, чем шпионские. Не обладая совершенным знанием, не сможешь пользоваться шпионами; не обладая гуманностью и справедливостью, не сможешь применять шпионов; не обладая тонкостью и проницательностью, не сможешь получить от шпионов действительный результат. Тонкость! Тонкость! Нет ничего, в чем нельзя было бы пользоваться шпионами.

9. Если шпионское донесение еще не послано, а об этом уже стало известно, то и сам шпион, и те, кому он сообщил, предаются смерти.

10. Вообще, когда хочешь ударить на армию противника, напасть на его крепость, убить его людей, обязательно сначала узнай, как зовут военачальника у него на службе, его помощников, начальника охраны, воинов его стражи. Поручи своим шпионам обязательно узнать все это.

11. Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя. Ибо ты сможешь приобрести обратного шпиона и

пользоваться им. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь приобрести и местных шпионов, и внутренних шпионов и пользоваться ими. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь, придумав какой-нибудь обман, поручить своему шпиону смерти ввести противника в заблуждение. Через него ты будешь знать все. И поэтому сможешь заставить своего шпиона жизни действовать согласно твоим предположениям.

12. Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь. Но узнают о противнике обязательно через обратного шпиона. Поэтому с обратным шпионом надлежит обращаться особенно внимательно.

13. В древности, когда поднималось царство Инь, в царстве Ся был И Чжи; когда поднималось царство Чжоу, в царстве Инь был Люй Я. Поэтому только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела. Пользование шпионами — самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия».

Характерно, что Сунь-цзы назвал свою главу о шпионах именно «Использование шпионов». Иметь шпионов еще недостаточно, нужно уметь ими пользоваться. Именно в этом состоит искусство полководца. Иными словами, эти наставления стратега адресованы военачальнику.

Комментатор трактата Чжан Юй говорит, что это искусство состоит в умении сохранять строжайшую тайну. Японец Огю Сорай понимает дело шире. «Чтобы узнать что-либо о противнике, — говорит он, — нет ничего лучшего, чем шпионы. Но есть шпионы преданные, есть и изменники. Одни по своим способностям пригодны для шпионской работы, другие нет. В донесениях шпионов бывают и правда, и ложь; в том, что они говорят, бывает трудно разобраться, — что есть на самом деле и чего нет. Поэтому употребление шпионов — большое дело для армии». Сорай ссылается на примеры неудачного использования шпионов, засылки в стан врага лиц, не пригодных для подобной работы. Поэтому дело не столько в самих шпионах, сколько в умелом пользовании ими.

Сунь У называет отказ от организации шпионажа или недостаточное внимание к разведывательной работе «верхом негуманности». Он указывает на тяготы войны для финансов государства, на разорение населения и упадок хозяйственной жизни. Поэтому войну надлежит «решать» как можно скорее. «Решить войну» означает победить противника. Облегчить же победу, а главное, ускорить ее может полное знание врага. Поэтому Сунь-цзы и говорит: «Жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника — это верх негуманности». Кому же раздавать эти титулы, награды, деньги? Разумеется, шпионам.

Сунь-цзы утверждает: «Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед». Каким же способом можно это знание получить? Сунь-цзы говорит: «Знание положения противника можно получить только от людей». «Только через шпионов», — уточняет комментатор Ли Цюань.

Обрисовав таким образом необходимость шпионской работы, Сунь-цзы переходит к перечислению различных категорий шпионов. Он выделяет пять их: шпионы местные (яп. *инкан*), шпионы внутренние (яп. *найкан*), шпионы обратные (яп. *ханкан*), шпионы смерти (яп. *сикан*), шпионы жизни (яп. *сёкан*). Если перевести эти названия на современный язык, то первая категория — информаторы, вторая — агенты в лагере противника из среды его собственных служащих, третья — агенты противника, используемые против него самого, четвертая — лазутчики и диверсанты, пятая — разведчики. Считается, что это — наиболее древняя из всех известных классификаций шпионов.

Сунь-цзы сам достаточно подробно объясняет значение каждой категории шпионов. Но следует отметить и тот факт, что некоторые комментаторы трактата развили его идеи. Например, Ду Му говорит о наборе шпионов жизни: «В шпионы жизни надлежит выбирать людей, внутренне просвещенных и умных, но по внешности глупых; по наружности — низменных, сердцем же — отважных; надлежит выбирать людей, умеющих хорошо ходить, здоровых, выносливых, храбрых, сведущих в простых искусствах, умеющих переносить и голод, и холод, оскорбления и позор». Ду Ю указывает на другие качества, требуемые от шпионов жизни: «Выбирают таких, кто обладает мудростью, талантами, умом и способностями, кто в состоянии сам проникнуть в самое важное и существенное у противника, кто может понять его поведение, уразуметь, к чему идут его поступки и расчеты, уяснить себе его сильные стороны и, вернувшись, донести об этом мне». А японец Огю Сорай говорит и о том, о чем не упоминают его китайские коллеги более ранних времен: как нужно засылать таких агентов: под видом «шаманов, ямабуси, монахов, горожан, врачей, гейш».

В приведенных выше словах Ду Му содержится, между прочим, требование выбирать для шпионской работы людей, сведущих в «простых искусствах». Это рисование и счет, в частности, умение производить всякие измерения и исчисления. Следовательно, Ду Му предполагал и такую работу, которая требует умения сделать зарисовку, набросать план, вычислить расстояние и т. п.

Деятельность пяти категорий шпионов чрезвычайно разнообразна и всеохватывающа. Отсюда и требования, предъявляемые к лицу, пользующемуся шпионами, руководящему их работой. Первое, что требуется, это ум. «Потому что, — поясняет Ду Му, — нужно сначала

оценить характер шпиона, его искренность, правдивость, многосторонность ума, и только после этого можно пользоваться им». Мэй Яо-чэнь считает, что полководцу нужен большой ум, чтобы распознать «в донесении шпиона ложь, различить правильное и неправильное».

Далее, требуются гуманность и справедливость. Комментатор Мэн-ши говорит об этом: «Когда гуманность и справедливость проявляются, к такому человеку приходят все мудрые; а если приходят все мудрые, он может пользоваться и шпионами». Мэй Яо-чэнь ставит вопрос конкретнее: «Если обласкаешь шпионов своей гуманностью, покажешь им свою справедливость, сможешь ими пользоваться. Гуманностью привязывают к себе сердца их, справедливостью воодушевляют их верность. Гуманностью и справедливостью руководят людьми».

Третье — это тонкость и проницательность. Нужно уметь распознать, что истина и что ложь в донесениях шпиона. Проницательность необходима и для того, чтобы оградить себя от шпиона, подосланного противником. Вообще, проницательность имеет колоссальное значение. Об этом говорит Сорай: «Можно использовать и все то, что наблюдаешь глазами, слышишь ушами; ветром, дующим в поднебесье, ручьем, протекающим в долине, пением петухов, лаем собак — всем этим искусный полководец может воспользоваться как шпионами».

Ясно, что знать, с кем имеешь дело, важно, чтобы определить свою тактику борьбы с ним. «Когда хотят произвести нападение, совершенно необходимо узнать, кто находится на службе у противника, кто из них умен, кто искусен, кто нет, и тогда, взвесив их способности, сообразно с этим действовать против них», — говорит Ду Му. Но знать противника нужно и для шпионской работы. Ведь шпионы могут работать хорошо только тогда, когда знают, с кем имеют дело. Эта мысль отражена в толковании Мэй Яо-чэня: «Если я поручу своим шпионам заранее узнать все это, мои шпионы смогут действовать».

Особое значение Сунь-цзы придает «обратному шпиону». Поэтому он подробно говорит о его проверке. Еще более подробные указания дает комментатор Ван Чжэ: «Нужно со всей заботливостью поместить его, пустить в ход всякие ухищрения в своем красноречии, проявить к нему самую глубокую любовь и после этого насытить его богатыми дарами и пригрозить ему ужасным наказанием».

Что же может дать такой обратный шпион? На это отвечает Чжан Юй: «Через обратного шпиона ты будешь знать, кто из жителей его страны падок до денег, у кого из его чиновников какие недостатки». Таким путем можно будет приобрести себе и местных, и внутренних шпионов. «Через обратного шпиона ты будешь знать, как обмануть противника».

Таким образом, через обратного шпиона открываются самые надежные пути для организации шпионской сети по всем направлениям, а

также для обеспечения самых верных условий для шпионской работы. «Начало всей шпионской работы зависит от обратного шпиона», — говорит Мэн Яо-чэнь.

Сунь-цзы особо подчеркивает: «Всеми пятью категориями шпионов обязательно ведает сам государь».

В своем трактате Сунь У говорит и о признаках, по которым можно догадаться о замыслах противника:

«Если речи противника смиренны, а боевые приготовления он усиливает, значит, он выступает. Если его речи горделивы, и он сам спешит вперед, значит, он отступает...

Если полководец разговаривает с солдатами ласково и учтиво, значит, он потерял свое войско. Если он без счета раздает награды, значит, войско в трудном положении. Если он бессчетно прибегает к наказаниям, значит, войско в тяжелом положении. Если он сначала жесток, а потом боится своего войска, это означает верх непонимания военного искусства.

Если противник является, предлагает заложников и просит прощения, значит, он хочет передышки. Если его войско, пылая гневом, выходит навстречу, но в течение долгого времени не вступает в бой и не отходит, непременно внимательно следи за ним.

Дело не в том, чтобы все более и более увеличивать число солдат. Нельзя идти вперед с одной только воинской силой. Достаточно иметь ее столько, сколько нужно для того, чтобы справиться с противником путем сосредоточения своих сил и правильной оценки противника. Кто не будет рассуждать и будет относиться к противнику пренебрежительно, тот непременно станет его пленником».

Особое внимание Сунь У рекомендует уделять поведению послов. И это понятно: послы традиционно выступали в качестве шпионов. Весьма подозрительно, когда вдруг от врага являются послы, «просят прощения и предлагают заложников». Это означает, что противник хочет выиграть время, что состояние у него настолько тяжелое, что он должен получить «передышку» для того, чтобы потом снова начать войну.

Вообще поведение послов следует зачастую понимать обратно: если они держатся смиренно и даже униженно, а военные приготовления у них в то же время идут, не ослабевая, это значит, что противник готовится к нападению; если же они держатся заносчиво и дерзко, а войска тем временем производят как будто угрожающие передвижения, это значит, что противник только стремится замаскировать свою слабость и обеспечить себе беспрепятственное отступление.

Некоторое внимание Сунь У уделил и «войсковой разведке». Однако в этой области китайцы, по-видимому, были не слишком сильны. Поэтому все указания Сунь У на этот счет ограничиваются лишь описанием признаков, раскрывающих намерения врага, так называемых разведывательных примет:

«Если в районе движения армии окажутся овраги, топи, заросли, леса, чащи кустарника, непременно внимательно обследуй их. Это места, где бывают засады и дозоры противника.

Если противник, находясь близко от меня, пребывает в спокойствии, это значит, что он опирается на естественную преграду. Если противник далеко от меня, но при этом вызывает меня на бой, это значит, что он хочет, чтобы я продвинулся вперед. Если противник расположился на ровном месте, значит, у него есть свои выгоды.

Если деревья задвигались, значит, он подходит. Если устроены заграждения из трав, значит, он старается ввести в заблуждение. Если птицы взлетают, значит, там спрятана засада. Если звери испугались, значит, там кто-то скрывается. Если пыль поднимается столбом, значит, идут колесницы; если она стелется низко на широком пространстве, значит, идет пехота; если она поднимается в разных местах, значит, собирают топливо. Если она поднимается то там, то сям, и при этом в небольшом количестве, значит, устраивают лагерь.

Если легкие боевые колесницы выезжают вперед, а войско располагается по сторонам их, значит, противник строится в боевой порядок. Если он, не будучи ослаблен, просит мира, значит, у него есть тайные замыслы. Если солдаты у него забегали и выстраивают колесницы, значит, пришло время. Если он то наступает, то отступает, значит, он заманивает. Если солдаты стоят, опираясь на оружие, значит, они голодны. Если они, черпая воду, сначала пьют, значит, они страдают от жажды. Если противник видит выгоду, но не выступает, значит, он устал.

Если птицы собираются стаями, значит, там никого нет. Если у противника ночью перекликаются, значит, там боятся. Если войско дезорганизовано, значит, полководец неавторитетен. Если знамена переходят с места на место, значит, у него беспорядок. Если его командиры бранятся, значит, солдаты устали. Если коней кормят пшеном, а сами едят мясо; если кувшины для вина не развешивают на деревьях и не идут обратно в лагерь, значит, они — доведенные до крайности разбойники».

КТО ПРИВЕЗ «СУНЬ-ЦЗЫ» В ЯПОНИЮ?

Кто же привез знаменитый трактат в Страну восходящего солнца? С какого времени началось его изучение в Японии?

В источниках на этот счет имеется совершенно точное указание. Летопись «Сёку Нихонги» («Продолжение анналов Японии») ¹ утверждает,

¹ Хроника, охватывающая период с 697 по 791 г.

что «Сунь-цзы» привез в Японию Киби-но Макиби, который дважды плавал в Китай в качестве посла. Первый раз — в 716–735 гг., второй — в 752–754 гг. Во время пребывания в Срединном царстве Макиби усиленно изучал китайскую классику. Вернувшись на родину, он привез с собой большую коллекцию книг, и среди них — знаменитые трактаты по военному искусству: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Лютао», «Саньюэ» и другие. Киби-но Макиби был не только коллекционером литературных произведений, но и прекрасно усвоил их наставления. Согласно «Сёку Нихонги», он даже применял на практике советы Сунь У — в войнах с врагами японских императоров и в обучении воинов.

Однако некоторые данные позволяют предположить, что «Сунь-цзы» и другие китайские военные трактаты попали в Японию еще раньше. Их могли привезти китайские или корейские иммигранты, коих немало переселилось на острова в I–VI вв. н.э. Так, в японских источниках можно найти скрытые цитаты из «Сунь-цзы». Например, в «Нихонги» под 527 г. император Кэтай наставляет главнокомандующего своей армией Мононобэ-но Аракапи-но Опомурази: «Доблесть достойного полководца состоит в том, чтобы распространять добродетель и насаждать снисходительность; управляя людьми, проявлять сдержанность. В бою же он — как быстрая река, в сражении он — как буря... Сам награждай и наказывай...» В этих наставлениях явно чувствуется влияние «Сунь-цзы». Таким образом, можно предположить, что знаменитый трактат о военном искусстве попал в Японию задолго до середины VIII в., когда его список привез Киби-но Макиби. Во всяком случае, уже в «Нихон гэндзайсё мокуроку» («Каталог книг, имеющихся в настоящее время в Японии», 891 г.) упоминаются 6 разных списков «Сунь-цзы».

КОРЕЙСКИЕ «УРОКИ»

Возможно, японцы не смогли бы оценить всей глубины и значимости «Сунь-цзы» и других трактатов китайских стратегов, если бы у них не было «учителей», на практике демонстрировавших превосходство выверенной теории перед спонтанными акциями. Такими учителями для обитателей Страны восходящего солнца явились корейцы, на несколько столетий ранее приобщившиеся к китайской цивилизации. Интересно, что и первое упоминание в японских текстах слова «шпион» (яп. *кантё*) связано как раз с корейцами. В «Нихонги» под 9-м годом правления императрицы Суйко (601 г.) сообщается: «Осень, 9 луна, 8 день. Шпион из Силла [по имени] Камада добрался до Тусима (Цусима).

Его схватили и доставили ко Двору. Он был сослан в Камитукэно (Кодзукэ)».

В другой раз корейцы сумели при помощи хитроумного плана украсть своего принца из японского плена.

Вот как рассказывает эту историю корейская летопись Тонкам (том 4, 18; 418 г.): «Пак Чэсан из Силла поехал в Ва (Япония) и умер там. Младший брат вана Мисахын приехал из Ва. Перед этим Пок-хо (другой брат вана, который был послан заложником в царство Когурё) вернулся. Ван обратился к Чэсану со словами: «Моя любовь к двум моим младшим братьям подобна любви к левой и правой руке. Сейчас у меня есть только одна рука. Какую же это имеет цену?»

Чэсан сказал: «Хотя мои способности – это всего лишь способности загнанного коня, я посвятил себя службе своей стране. Какая причина может быть у меня для отказа от этого? Однако Когурё – это великая страна, и кроме того ее ван мудр. Твой слуга смог заставить его понять одними словами. Что же касается Ва, то нужно использовать стратегию, чтобы обмануть их, а не убеждать их губами и языком. Я притворюсь, что совершил преступление и скрываюсь. После того, как я уйду, я прошу тебя арестовать семью твоего [покорного] слуги».

Так он поклялся своей жизнью не встречаться более со своей женой и детьми и отправился в Нюль-пхо. Якорная цепь уже была выбрана, когда его жена приехала за ним, горестно причитая. Чэсан сказал: «Я уже взял свою жизнь в свои руки и уезжаю на верную смерть».

Через некоторое время он поехал в страну Ва, где стал выдавать себя за мятежника. Правитель Ва засомневался в этом. Перед этим люди из Пэкче приезжали в страну Ва и сделали ложный доклад, сказав: «Силла и Когурё сговариваются вместе, чтобы напасть на Ва». Правитель через некоторое время послал войска охранять границу. И когда когурёсцы, вторгнувшись в Силла, убили и этих стражников, правитель Ва понял, что история, рассказанная людьми из Пэкче, была правдой. Но когда он услышал, что ван Силла заключил в тюрьму семью Мисахына и Чэсана, он подумал, что Чэсан действительно был мятежником. Поэтому он послал армию для нападения на Силла, а Чэсана и Мисахына сделал [ее] проводниками. Когда армия добралась до одного острова в море, военачальники стали тайно совещаться, как им разгромить Силла и вернуться с женами и детьми Чэсана и Мисахына. Чэсан, зная это, ежедневно отплывал с Мисахыном на лодке под предлогом прогулок. Люди Ва ничего не подозревали. Чэсан посоветовал Мисахыну тайно вернуться в свою страну. Мисахын сказал: «Как хватит у меня сердца покинуть тебя, господин мой, и вернуться одному?» Чэсан сказал: «Предположим, что мне удастся спасти жизнь моего принца и осчастливить великого вана, этого будет вполне достаточно,

почему же я должен так любить жизнь?» Мисахын заплакал и удалился, чтобы бежать назад в свою страну. Чэсан один спал в лодке. Он поднялся под вечер и дождался, пока Мисахын не был уже далеко. Люди Ва, когда они обнаружили, что Мисахын исчез, связали Чэсана и погнались за Мисахином, но надвигались тьма и туман, и они не смогли догнать его. Правитель Ва был разъярен. Он бросил Чэсана в тюрьму и спросил его: «Почему ты тайно отослал Мисахына?» Чэсан сказал: «Как подданный [страны] Кэрим (Силла) я просто хотел исполнить желание моего повелителя». Правитель Ва разгневался и сказал: «Поскольку ты теперь стал моим вассалом, если ты называешь себя подданным Кэрим, ты должен быть подвергнут пяти наказаниям. Но если ты назовешь себя подданным страны Ва, я непременно щедро награжу тебя». Чэсан сказал: «Я лучше буду псом-игрушкой Кэрим, чем подданным страны Ва. Пусть меня лучше выпорют в Кэрим, чем я буду получать звания и награды в стране Ва». Правитель Ва разгневался. Он содрал кожу с ног Чэсана, срезал осоку и заставил его пройти по ее стерне. Потом он спросил у него: «Какой же страны ты подданный?» Он отвечал: «Я — подданный Кэрим». Он также заставил его стоять на раскаленном железе и спросил его: «Какой же страны ты подданный?» Он отвечал: «Я — подданный Кэрим». Правитель Ва, видя, что ему не сломить его, предал его смерти через сожжение».

В целом, в области шпионажа корейцы следовали китайским образцам. Поэтому роль шпионов чаще всего выполняли послы.

Интересную информацию об использовании шпионов дает корейская летопись «Самгук саги». В разделе «Летописи Когурё» рассказывается, что в 11-м году правления вана Юри (9 г. до н.э.) когурёсцы использовали своего шпиона для борьбы с сяньбийским царством: «Летом, в четвертом месяце, ван созвал своих сановников и сказал им: «Сяньбийцы, надеясь на неприступность [своих владений], не хотят с нами мира и дружбы. Когда [им] удобно, они нападают и грабят [нас], а когда невыгодно — уходят [к себе] и защищаются. [Вот почему они] вызывают беспокойство [нашего] государства. И если [среди вас] найдется человек, который сможет покорить их, я награжу [его] очень щедро». Выступил Пубунно и ответил: «Сяньби — это крепкая и неприступная страна, люди же ее смелы, но простоваты. Справиться силой трудно, легче согнуть их хитростью».

Ван спросил: «Как же тогда действовать?» Пубунно ответил: «Надо заслать к ним [нашего] человека шпионом. [Он] распространял бы ложные слухи о том, что государство наше маленькое, войско слабое, мы боимся выступить [куда-либо в поход]. Тогда наверняка сяньбийцы, пренебрегая нами, не станут делать [военных] приготовлений. Дождавшись подходящего момента, я возьму лучших солдат, поведу околь-

ными путями, укрою [войска] среди гор и лесов, наблюдая за столицей [сяньбийцев]. Ван [тем временем] пошлет слабых на вид солдат, которые появятся к югу от этой крепости. Те же [сяньбийцы] непременно оставят свою крепость и бросятся преследовать [как можно] дальше [наше войско]. [Тогда] я направлю лучших солдат на штурм их крепости, а ведомые лично ваном смелые всадники ударят с другой стороны. И таким образом можно будет одолеть их».

Ван последовал этому [совету]. И действительно, когда сяньбийцы открыли ворота и устремились в погоню за солдатами [Когурё], Пубунно со своим войском [стремительно] ворвался в город. Сяньбийцы, обнаружив это, в большом страхе бросились назад, к крепости. Пубунно преградил путь к крепости и завязал [упорное] сражение, перебил великое множество [врагов]. [Тогда] с развевающимися знаменами и барабанным боем выступило вперед [войско] вана. Сяньбийцы со всех сторон получали [удары] неприятеля. Оказавшись в безвыходном положении и обессилив, [они] покорились и стали зависимой страной».

Этот отрывок из «Самгук саги» интересен еще и тем, что в нем слово «шпион» записано двумя иероглифами, которые по-корейски читаются как *панкан* (кит. *фаньцзянь*, яп. *ханкан*), что буквально означает «обратный шпион». Этот термин, вне всякого сомнения, заимствован из «Сунь-цзы». Это свидетельствует, что когурёсцы задействовали в операции перевербованного сяньбийского агента.

В середине 1970-х гг. в ряде популярных журналов о боевых искусствах Востока появились публикации, рассказывающие о таинственных корейских шпионах и диверсантах *сульса* (в другом прочтении — *соса*). Информация исходила от Ли Банджу, утверждавшего, что он — 58-й патриарх *хварандо*, боевого искусства элитного корпуса *хваранов*.

По словам Ли Банджу, в гвардейском корпусе *хваранов* имелся специальный разведывательно-диверсионный отряд *сульса*, что в переводе якобы означает «рыцари ночи». Если обычные *хвараны* следовали светлоте, янскому Пути, *сульса* постигали «путь тьмы» (*амджа*), на котором хитрость и обман считались ключевыми элементами успеха. *Сульса* должен использовать любые способы, приемы, средства, оружие и стратегию для достижения победы. Для него конечный результат превыше всего и оправдывает любые средства.

Возникновение *сульса* Ли Банджу объяснял постоянной враждой между несколькими корейскими государствами, в которой шпионаж и контршпионаж были необходимыми условиями выживания.

Сульса, по его словам, представляли собой спецназ, который тренировался в методах проникновения на вражескую территорию, возвращения назад, в сборе информации, убийствах и системе выживания. Они учились психологическому, физическому и эмоциональному ма-

нипулированию противником, технике добывания секретной информации.

Сульса, как утверждал Ли Банджу, использовали все возможные способы для выполнения заданий. Но не забывали они и своеобразный «кодекс» хваранов: «Государю будь предан; с родителями будь почти-телен; с друзьями будь искренен; в бою будь храбр; убивая живое, будь разборчив».

По словам Ли Банджу, благодаря сульса королевство Силла смогло разгромить соседние государства Пэкче и Когурё и объединить Корею. Следствия этого замечательного успеха, однако, пагубно сказались на сульса, которые перестали быть необходимыми государству.

Ли Банджу указывает, что в период своего расцвета сульса овладевали методами маскировки, отвлечения внимания, внушения, бесшумного подкрадывания и камуфляжа. В маскировке они якобы следовали концепции слияния духом и телом с окружающим миром: чтобы притвориться камнем, нужно изучить его характеристики и превратиться в камень в своем сознании. Сульса учились прятаться не только на суше, но и в воде, под землей, на деревьях, в любых условиях местности, достигая состояния, когда не существует различий и все вещи сливаются воедино.

При проникновении в лагерь противника и выходе из вражеского окружения сульса должны были учитывать личностные особенности противника. Они осваивали способы быстрого перемещения, лазания по деревьям, акробатики и подкрадывания. Большое внимание уделялось развитию ментальной мощи, овладению управлением внутренней энергии *ки*, способности читать мысли, развитию терпения, а также методам усыпления противника. Изучалась также прикладная психология.

В одной из статей утверждается, что ученик Ли Банджу, американец Майк Эчанис, использовал многие элементы тайного учения сульса в подготовке элитных спецподразделений США.

Ныне поклонники *хварандо* утверждают даже, что сульса обучили своему искусству нескольких японских воинов, от которых в Стране восходящего солнца якобы и пошла традиция *ниндзюцу*. Однако у этой легенды, да и вообще у всех рассказов о сульса нет никакой исторической основы. В старинных корейских текстах такой термин не встречается, нет его и в тех корейских энциклопедических словарях, какие довелось просмотреть автору. Судя по всему, Ли Банджу просто воспользовался интересом широкой публики к *ниндзя* и в целях саморекламы запустил утку насчет сульса. Изучение источников показывает, что единой системы подготовки шпионов и разведчиков в древней Корее, видимо, не существовало. И разведка у корейцев была далеко не

на должной высоте: летопись «Самгук саги» полна сообщений о «неожиданных» нападениях врага. Так же, как и в Китае, здесь все решали любители. Правда, иногда среди них попадались настоящие таланты, способные привести к краху целое государство. Вот что рассказывается в «Самгук саги» об одном из них:

«Задолго до этого когурёский ван Чансу, втайне замышлявший [нападение] на Пэкче, искал человека, который смог бы шпионить там. И сразу откликнулся на его призыв буддийский монах Торим: «Я, недостойный монах, не смог постичь буддийское Учение, но думаю о том, как бы отплатить государству за благодеяния, поэтому прошу, чтобы великий ван не счел меня недостойным и указал, что делать. И я постараюсь не провалить [исполнение] повеления». Ван обрадовался и дал ему тайное поручение обмануть [вана] Пэкче. Тогда Торим, как бы преследуемый за преступления, бежал в Пэкче. В ту пору пэкческий ван Кынгэру очень любил играть в шахматы (*пакхек*). Торим явился к воротам ванского [дворца] и сказал: «Я с юных лет учился шахматам и не раз входил в число [самых] искусных. Мне хотелось бы обрести известность возле вас». Ван пригласил его сыграть в шахматы и [убеждался, что] он самый искусный в государстве. Ван оказал ему прием как самому дорогому гостю, близко сошелся [с ним] и сетовал только на то, что так поздно встретился с ним. Однажды, находясь наедине с ваном, Торим сказал: «Хотя я и чужестранец, государь не оставил меня в отдалении и облагодетельствовал весьма щедро. Я же смог отплатить за это только своим искусством и не принес пользы даже на волосок. И сейчас я хотел высказаться, но не знаю, каково будет мнение государя». Ван [на это] ответил: «Прошу [вашего] слова, и если оно на пользу [нашему] государству, то это и будет то, что я жду от учителя». Торим сказал: «Государство великого вана со всех сторон [окружено] горами и холмами, реками и морями, представляющими естественные преграды, а не [искусственные] сооружения. Поэтому соседние государства и не помышляют о [том, чтобы завладеть им], а хотят лишь служить [вам] постоянно. Поэтому должно, чтобы величественным внешним видом и богатым убранством [дворца] людям внушали трепет как самоличное появление, так и молва о ване. А между тем еще не возведены ни внутренние, ни наружные укрепления [столицы], не оборудованы дворцовые помещения, останки предшествующего вана покоятся во временном погребении под открытым небом, а дома людей часто разрушаются при наводнениях. Я полагаю, что великий ван не должен далее терпеть это». Ван ответил: «Конечно, я так и сделаю».

И вскоре согнал подданных запаривать глину и возводить городские стены. Внутри их построили дворцы, беседки, башни, павильоны — все было величественно и прекрасно. Затем из реки Унниха извлекли

каменную глыбу и возвели саркофаг, в котором захоронили прах отца [предшественствующего вана], а вдоль рек насыпали вал, тянувшийся к востоку от [крепости] Сасон до северной части [горы] Сунсан. Вследствие этих [работ] казна совершенно опустела, народ испытывал нужду и лишения. Нависшая над ней опасность была больше, чем «у кучи сложенных яиц». Торим бежал к себе назад [в Когурё] и доложил обо всем своему вану. Ван Чансу возрадовался и, решив теперь покорить Пэкче, распределил [командование] войском среди своих приближенных. Когда узнал об этом ван Кынгэру, он позвал своего сына Мунджу и сказал: «По глупости и невежеству я поверил словам коварного человека и дошел до того, что народ разорен, армия ослабела. В момент крайней опасности [для страны] кто станет биться отчаянно ради меня? Я должен умереть за государство, но нет смысла умирать тебе здесь вместе [со мной]. Не лучше ли уйти [тебе] от опасности и продлить [царственный] род государя?» Мунджу тотчас же вместе с Мокхёп Манчхи Чоми Кольчхви... отправился на юг. В это время когурёский тэро Чеу, Чэсын Кольлу, Кои Маннён... пришли во главе [своих] войск и напали на северную крепость, взяли ее через семь дней, затем перенесли удар на южную крепость (столицу). В городе воцарился страх перед опасностью, а ван бежал. Когурёские военачальники — Кольлу и другие, увидев, как ван спешивается с коня и кланяется им, трижды плюнули ему в лицо. Затем, обвинив его в совершенных им преступлениях, связали его и отправили под стены [крепости] Ачхасон, где и убили его».

Хотя следование китайским шаблонам в корейской традиции очевидно, корейцы все же применяли в шпионаже и некоторые собственные разработки. В частности, они весьма активно использовали диверсантов для убийства вражеских военачальников, порчи вооружения и т. д. В «Самгук саги» имеется несколько эпизодов такого рода. Вот один из них:

«Тайными дорогами, петляя в разные стороны, ван прибыл в Южное Очко, но вэйские войска не прекращали преследование. Рухнули все планы вана, силы [его] были сломлены, и он не знал, что предпринять, и тогда вперед выступил человек из Восточного округа Нью и сказал: «Положение чересчур угрожающее, но не следует понапрасну погибать. У меня есть один план: прошу разрешить мне, [захватив] еду и питье, отправиться угощать вэйских воинов, чтобы воспользоваться удобным моментом и убить их военачальника. Если удастся мой замысел, ван может внезапно ударить [по ним] и одержит полную победу». Ван ответил: «Хорошо». Войдя в [лагерь] вэйского войска, Нью притворился, что сдается, сказав: «Мой государь, совершив преступление перед Великим государством, бежал к морскому побережью, но и там ему негде приютить свое [бренное] тело. Поэтому [он] решил явиться в лагерь [вэйского

войска] и сдаться, чтобы вверить свою судьбу великому военачальнику. Но прежде он послал меня, низкого слугу, со скромными дарами угостить людей [великого полководца]».

После таких слов вэйский военачальник решил принять капитуляцию [вана]. Нью, прятавший кинжал в посуде с едой, вышел вперед, вынул кинжал и вонзил его в грудь вэйского военачальника, а затем и сам погиб вместе с ним.

Сразу же в вэйской армии началась страшная паника. Ван распределил свои силы по трем направлениям и внезапно напал. Растерявшиеся вэйские солдаты не смогли построиться в боевой порядок, поэтому они отступили через Аннан (Лолан) [к себе]».

В другом случае, во время войны между царствами Пэкчэ и Силла, силлаский хван Хван Чхаллан проник в столицу Пэкчэ и стал там демонстрировать весьма сложный и зрелищный танец с мечом. Танцы издревле пользовались большой популярностью у корейцев, и Чхаллана пригласили во дворец пэкчэского вана. Во время представления он заколол вана мечом, но сам погиб в схватке с охраной.

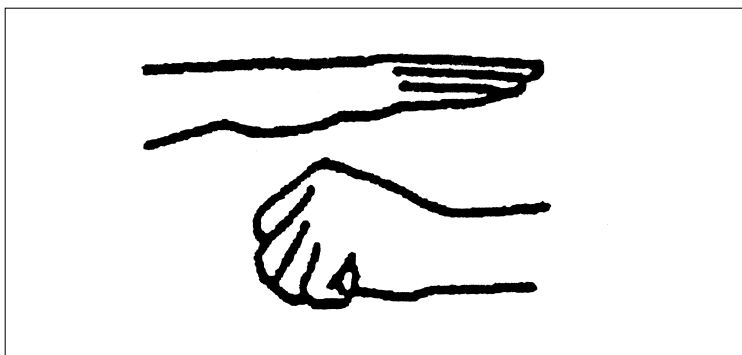
Интересно, что в диверсиях иногда корейцы использовали и женщин, причем весьма знатных: «Впоследствии [когурёский ван] Ходон, возвратившись в свое государство, тайно отправил человека к дочери дома Чхве с посланием: «Если ты сможешь проникнуть в оружейный склад [своего] государства и [там] разрежешь барабан и сломаешь рог, тогда я приму тебя со всем почетом, а если не сможешь, то не встречу». Ранее в Аннани были барабан и рог, которые сами издавали звуки при приближении вражеских войск, поэтому он велел ей уничтожить их.

И вот дочь дома Чхве с острым ножом тайно проникла в оружейный склад и разрежала поверхность барабана и раструб рога, а затем оповестила об этом Ходона. Тогда Ходон уговорил вана напасть на Аннан. Из-за того что барабан и рог не подавали сигналов, Чхве Ри не смог подготовиться [к отпору], и наше войско внезапно оказалось под стенами крепости.

Узнав о том, что барабан и рог повреждены, [Чхве Ри] убил свою дочь, а затем сдался».

ИСКУССТВО «ПРЯТАТЬСЯ ЗА ЩИТЫ» — НАЧАЛО ШПИОНСКОЙ МАГИИ

В главе XI «Девять местностей» своего трактата Сунь-цзы высказывает мысль, что обстановка — лучшее условие для создания необходимого настроения в армии, однако нужное для боя настроение может

Мудра невидимости (онгё-ин)

быть подорвано в одночасье неблагоприятными предзнаменованиями. Чтобы уберечь своих воинов от пагубного психологического воздействия, рецепт Сунь-цзы прост и однозначен: «Если запретить предсказания и удалить всякие сомнения, умы солдат до самой смерти никуда не отвратятся». К этим словам присоединяется комментатор Ду Му: «Запрети прорицания и не позволяй офицерам и солдатам гадать об исходе боя».

Для Сунь-цзы и его последователей характерно резко отрицательное отношение ко всякого рода гаданиям и магической практике. Так, Вэй Ляо-цзы пишет: «Чуский полководец Гун Цзы-синь вел войну с цисцами. Как раз в это время появилась комета, рукоятка которой (комета по своей форме уподобляется китайцами метле. — А.Г.) была обращена в сторону Ци. Приближенные полководца сказали ему: «Та сторона, куда обращена рукоятка, побеждает. Нападать на Ци нельзя». Гун Цзы-синь ответил: «Комета... что она понимает? Кто дерется метлой, тот, само собой разумеется, повертывает ее рукояткой и побеждает». На следующий день он сразился с цисцами и разбил их наголову. Хуан-ди сказал: «Прежде чем обращаться к богам, прежде чем обращаться к демонам, прежде всего обратись к своему собственному уму». Этими словами он сказал, что все небесные знамения заключаются только в людях и их делах».

Такой подход характерен для китайских мыслителей, следующих в русле конфуцианской традиции. С их точки зрения, гадания и магия — удел невежества и жадности. Но к моменту проникновения трактата «Сунь-цзы» в Японию в Китае развились многочисленные даосские и буддийские секты и школы, подход которых к проблеме гаданий и магии был диаметрально противоположным. Поэтому почти одновременно с «Сунь-цзы» в Японии появились и трактаты, описывающие

различные приемы магии, в частности, направленные и на обретение невидимости. Так, в «Нихонги» под 602 г. сообщается: «Зимой, в 10-ю луну, сюда прибыл монах Квангын из Пэкче. [Он] преподнес [двору] книги о [составлении] календарей, а также трактаты по астрономии и географии и вместе с ними трактаты об искусстве прятаться за щиты. В это время отобрали трех-четырёх учеников и повелели [им] учиться у Квангына. Тамафуру, предок «фубито» Яго, учился законам составления календарей. Косо, староста деревни Отомо, изучал астрономию и [искусство] прятаться за щиты. Все они учились [до тех пор, пока не] постигли дело».

В этом отрывке речь идет о *тонко*, что буквально означает «прятаться за щитом», — искусстве становиться невидимым при помощи особого рода магических заклинаний. В «Истории Поздней Хань» говорится: «Представь, что ты находишься за шестью щитами, и станешь невидим».

Формулы *тонко* заняли прочное место в практике целого ряда японских школ воинских искусств. Например, магия *тонко* входит в программу двух древнейших школ воинских искусств (*будзюцу*) — Нэн-рю, основанной дзэнским монахом Дзионом в XIV в., и Тэнсин сёдэн Каттори синто-рю, созданной великим мастером меча Иидзаса Изнао в XV в. Упоминается учение о *тонко* и в знаменитой энциклопедии *ниндзюцу* XVII в. «Бансэнсюкай».

Учение о *тонко* всегда относилось к наиболее секретным разделам знания традиционных школ *будзюцу*, поэтому известно о нем немного. По-видимому, существовали различные методы использования *тонко*, связанные с даосизмом или с эзотерическим буддизмом. На связь *тонко* с даосизмом, в частности, указывает современный патриарх школы Каттори Синто-рю Отакэ Рискэ. «Одной из эзотерических концепций школы Тэнсин сёдэн Каттори синто-рю является теория Инь и Ян и пяти первоэлементов (*онмё гогё сэцу*). С ней связаны два других эзотерических учения: *тонко* и *ходзюцу*. Особая форма заклинания и волшебства (*ёдзюцу*), способная сделать тело воина невидимым для врага, называется *тонко*», — сообщает он.

Что же касается буддизма, то японским лазутчикам, без сомнения, была известна мудра — символическая поза (комбинация из пальцев и т. д.) невидимости — *онгё-ин*, один из вариантов которой входит в знаменитые «девять знаков» — *кудзи-ин*. В классическом варианте этой мудры, присутствующем на многочисленных изображениях Будды, левая рука образует неплотно сжатый кулак с «отверстием» у большого пальца, а правая в положении ладонью вниз нависает над левой.

Мудра *онгё-ин* связана с бодхисаттвой Маричи (яп. Мариси-тэн), которую в Японии почитали покровительницей воинов. В Китае Ма-

ричи считалась богиней света, которая своей силой поддерживает солнце и луну и обеспечивает правильное взаимодействие полярных сил Инь и Ян. На Дальнем Востоке верили, что она обитает на одной из звезд созвездия Большой Медведицы. Являясь помощницей бога солнца Сурьи, Маричи постоянно вращается вокруг него, причем так быстро, что становится невидимой. Считалось, что правильное воспроизведение мудры в сочетании с соответствующей магической формулой — мантрой позволяет исполнителю приобщиться к чудесным свойствам Маричи, о которой сам Будда якобы сказал: «Бодхисаттва Маричи обладает сверхъестественным могуществом. Она постоянно проходит перед богами Солнца и Луны, но они не могут ее узреть, хотя сама она постоянно видит Солнце. Люди не в состоянии постичь и узнать ее, они не могут схватить ее и связать, они не могут причинить ей боль, повредить ей или обмануть ее... Если вы знаете имя Маричи и постоянно повторяете его про себя, люди не смогут увидеть вас, поймать вас, связать вас или причинить вам боль, не смогут вас обмануть...»

Вероятно, именно с практикой *тонко* связан и обычай *ниндзя* читать особые заклинания — *онгё-но мадзинаи* — в ситуациях, когда нужно отсидеться в укрытии, тогда как воины врага ищут тебя.

На основании этих сведений можно сделать вывод, что уже с самого первого этапа своего развития *ниндзюцу* в стремлении достичь максимальной эффективности в действии сочетало в себе самые разные, порой противоречащие друг другу по сути элементы и что, при несомненном преобладающем влиянии рациональной китайской военной науки и, в частности, учения Сунь-цзы на воинскую традицию Японии (это с гордостью признает, например, автор «Бансэнсюкай» Фудзикаэси Ясутакэ), немалую роль в становлении *ниндзюцу* сыграла и религиозно-мистическая традиция буддизма и даосизма. Различные психоэнергетические практики из арсенала «упражнений по управлению потоками жизненной энергии» *цигун*, магические приемы, буддийская медитация постепенно заняли важное место в практике последователей искусства невидимости. Позже это привело к тому, что обыватели стали представлять *ниндзя* в качестве «родственников» или «учеников» даосских отшельников, горных аскетов *ямабуси*, монахов школ эзотерического буддизма. *Ниндзя* стали восприниматься чудесниками и магами, способными на невероятные поступки. Тем более что подчас они действительно совершали деяния, которые для непосвященного выглядели сверхъестественными. Происхождение *ниндзюцу* стали связывать с тем или иным святым, гением, мудрецом. Немалую роль в этом сыграло характерное для всей дальневосточной цивилизации стремление подчеркнуть значимость каждого явления, о котором мы

уже говорили ранее. Одним из его проявлений является предание о создании ниндзюцу легендарным китайским даосом Сюй Фу, которое получило широкое хождение среди жителей провинции Кии.

ДАОС СЮЙ ФУ – РОДОНАЧАЛЬНИК НИНДЗЮЦУ ПРОВИНЦИИ КИИ

Точных сведений о Сюй Фу не сохранилось. Имя его известно лишь из легенд жителей Кии. Они утверждали, что Сюй Фу был выдающимся даосским мудрецом, магом и служил придворным лекарем китайского императора Цинь Шихуан-ди (246–210 гг. до н.э.). Цинь Шихуан славился половой распущенностью и неумеренностью. Он очень любил

Даос. Со старинной гравюры

свою сладкую жизнь, страшно боялся смерти и потому приблизил к себе большую группу даосских мудрецов, активно искавших эликсир бессмертия. С их помощью Цинь Шихуан рассчитывал сохранить вечную молодость. Одним из этих мудрецов и был Сюй Фу.

Однажды Цинь Шихуан прослышал от даосов, что в восточном море расположен остров, где якобы растут волшебные деревья, дающие плоды, возвращающие молодость и наделяющие бессмертием. Он тут же распорядился снарядить экспедицию на поиски загадочного острова и назначил ее руководителем Сюй Фу.

После нескольких месяцев плавания китайские моряки наконец увидели землю. Только оказался это не волшебный остров, а японская земля Кии. Туземцы радушно встретили пришельцев и оказали им всемерную помощь в поиске чудодейственных плодов. Но, обрыскав все окрестности, китайцы так и не нашли их. Экспедиция провалилась, а у Сюй Фу появилось горячее желание навсегда остаться в этих гостеприимных краях, ведь Цинь Шихуан ошибок не прощал и возвращение в Китай без волшебных плодов было равносильно самоубийству. Поэтому Сюй Фу принял японское имя Оюротаюя и при помощи своей магии вскоре стал государем земли Кии.

Как видим, в легенде ничего не сообщается о том, что Сюй Фу передал островитянам какие-либо методы шпионажа или ведения боевых действий. Не упоминается также, был ли он вообще с ними знаком. Нет здесь и описаний каких-либо «ниндзеподобных» акций. И всё же одного того, что Сюй Фу владел приемами магии, оказалось достаточным, чтобы «по сходству» произвести его в «отцы-прародители» *ниндзюцу*.

Известный японский исследователь Окусэ Хэйситиро отмечал также сходство японского имени Сюй Фу – Оюротаюя – с именем знаменитого шпиона Такоя (имя Такоя отличается от Таюя только одним иероглифом), о котором речь пойдет далее. Он высказал предположение, что в предании о Сюй Фу как основателе *ниндзюцу* соединились два независимых сюжета: легенда о приезде даоса в Японию и исторический факт шпионской деятельности Такоя.

ОТОМО-НО САЙДЗИН – ПЕРВЫЙ НИНДЗЯ

К концу VI в. н.э. источники относят деятельность первого профессионального шпиона в японской истории. Первого «ниндзя» звали Отомо-но Сайдзин (в некоторых работах он назван Отомо-но Сайню, хотя здесь, скорее всего, имеет место орфографическая ошибка – уж очень похожи знаки Дзин и Ню). Он был жителем провинции Ига (по другим

Сётоку тайси. Со старинной гравюры

сведениям — провинции Оми, где находится еще одна «родина» ниндзюцу — уезд Кога) и прямым потомком уже упоминавшегося Мити-но Оми-но микото. Служил первый «ниндзя» принцу Сётоку-тайси (574–622), одному из величайших деятелей в истории Страны восходящего солнца.

Чем же конкретно занимался Отомо-но Сайдзин? В популярных книгах по истории *ниндзюцу* говорится, что в 587 г. он по приказу Сётоку-тайси проник в лагерь мятежника Мононобэ-но Мория и добыл важную информацию о составе вражеских войск, чем способствовал победе принца. Однако в источниках, повествующих о войне Сётоку-тайси против Мононобэ-но Мория, например в «Нихонги», об этом ничего не сообщается. Да и имени Отомо-но Сайдзин там не найти.

Окусэ Хэйситиро приводит иную версию. Он считает, что таланты Сайдзина проявились не на войне, а во время мира. И был он шпионом не военным, а политическим и полицейским.

Источники, повествующие о Сётоку-тайси, постоянно отмечают замечательную способность принца «разом выслушивать прошения десятерых и решать их дела, не пропуская ни слова» («Нихон рёики»). С этим замечательным свойством связано прозвище принца – Тоётомими – «Чуткое ухо», «Ухо, слышащее далекое». Но не подходит ли лучше такое прозвище для шпиона, чем для принца?

Окусэ считал, что «чутким ухом» Сётоку-тайси и был Отомо-но Сайдзин. Он обладал замечательной памятью, наблюдательностью, умел незаметно для окружающих вызнавать детали событий. Имея множество знакомых среди простолюдинов, он, по сути, был связующим мостом между народной массой и дворцовой аристократией, имевшей слабое представление о жизни за стенами дворца. Собрав информацию о происшествиях: кражах, убийствах, случаях проявления недовольства государственной политикой – и проанализировав ее, Сайдзин делал доклад принцу. Соответственно, если дело доходило до обсуждения происшествия и до разбирательства его в суде, Сётоку, обладая полнотой информации, мог сравнительно легко принять решение, поражая окружающих своей проницательностью и всевиденьем.

Сегодня это может показаться примитивным и наивным, но, по сути, так, по мнению Окусэ, был создан прецедент использования шпионов для осуществления контроля за обществом. Переоценить важность этого шага невозможно. Поэтому сегодня практически во всех работах по *ниндзюцу* Сётоку-тайси называют первым «мастером пользования» шпионами, а его верного подручного Отомо-но Сайдзина – первым японским *ниндзя*.

Кстати, сам термин, которым в Японии на протяжении веков называли тайных агентов, – *синоби*, как полагают некоторые исследователи, восходит к прозвищу Отомо-но Сайдзин, которым Сётоку-тайси награждал своего верного агента: он назвал его Синоби. Правда, это прозвище записывалось тремя иероглифами, которые в совокупности означали

что-то вроде «Самоотверженный и Держащий Свои Таланты Наготове». Впрочем, возможно, что принц просто подобрал три иероглифа с нужными «китайскими» чтениями, чтобы записать исконно японское слово, являющееся производным от глагола *синобу* — «быть невидимым». Позже их заменил один-единственный знак «*Нин / синобу*» — «терпеть, выносить, быть невидимым, скрываться», который используется и сегодня для записи слов *ниндзя* и *ниндзюцу*.

ИМПЕРАТОР ТЭММУ И ЕГО ВЕРНЫЙ ШПИОН ТАКОЯ

Вторым японским государственным деятелем, использовавшим шпионов, считается император Тэмму (673–686), которому служил некий Такоя, вошедший в японскую историю как «шпион № 2».

Сам Тэмму был человеком незаурядным. Некоторые сообщения источников наводят на мысль, что он прекрасно разбирался во всех тонкостях шпионажа и активно пользовался его методами на практике. Так, в «Нихонги» сообщается, что Тэмму в совершенстве владел «искусством бегства за щиты» — тонко. А в «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра»), отстоящей, впрочем, от эпохи Тэмму на добрые семь столетий, говорится: «Императору Тэмму, в бытность его наследным принцем, угрожали мятежники, и он бежал от них в горы Ёсино, переодевшись в женское платье». В общем, если бы Тэмму действительно использовал шпионов, в этом не было бы ничего невероятного.

Такоя, тайный агент Тэмму, в отличие от Отомо-но Сайдзина, прославился на поприще диверсионной работы. Это было вполне в духе времени. Ведь даже сам Тэмму взошел на трон в результате государственного переворота.

Такоя считается уроженцем центральной провинции Ямато. Он довел до совершенства тактику отвлечения врага при помощи диверсионных акций в его тылу. Пробравшись посреди ночи во вражескую крепость или лагерь, Такоя чинил там поджоги, вызывал сумятицу. И пока враги метались в растерянности, главные силы Тэмму могли незаметно подобраться к вражеским позициям и нанести неожиданный удар.

Сравнивая двух первых японских шпионов — Отомо-но Сайдзина и Такоя, следует отметить, что в их деяниях воплощены две ипостаси *ниндзюцу* — информационно-разведывательная и диверсионная. Таким образом, Отомо-но Сайдзин — это классический тип тайного агента-информатора, в то время как Такоя — образец лазутчика-диверсанта.

Глава 2

ЯМАБУСИ – ГОРНЫЕ ВОИТЕЛИ

Широкое распространение в японской и западной литературе по *ниндзюцу* получила версия создания этого искусства горными отшельниками *ямабуси*, последователями синкретического мистического учения *сюгэндо*, истоки которого относят к эпохе Нара (710–784). Попробуем же разобраться, что такое *сюгэндо*, кто такие *ямабуси* и какое отношение они имеют к *ниндзюцу*.

СЮГЭНДО – ПУТЬ ОБРЕТЕНИЯ ЧУДОТВОРНЫХ СИЛ

Слово *сюгэндо* записывается тремя иероглифами. *Сю* (или *осамэру*) означает «овладевать, совершенствоваться, упражняться, изучать». *Гэн* (или *кэн*, *сируси*) – «знамение, очевидное проявление, эффект, чудесное деяние». *А до* (или *мити*) – «путь» (вселенский Закон жизни, главный принцип). В целом слово *сюгэндо* можно трактовать как «путь обретения чудотворных сил».

В настоящее время под *сюгэндо* понимается не какая-то оформленная религия, имеющая свою собственную доктрину, а естественно развившаяся синкретическая форма верований. Ядром ее послужили древнейшие синтоистские верования (синто – «путь богов» – японская национальная религия, в основе которой лежат культ природы и духов предков). Позже на них наложились представления религиозного даосизма, эзотерического буддизма, учения о первоначалах вселенной Инь и Ян (*Оммёдо*).

Особое место в *сюгэндо* занимают представления о горах как са-кральных объектах, «местах силы».

Горы издревле занимали важное место в религиозных представлениях японцев. Во-первых, они рассматривались как места обитания

богов, распределяющих воду, столь необходимую для ведения сельского хозяйства. Во-вторых, японцы считали, что в горах обитают души умерших. В-третьих, среди гор встречаются вулканы, которые воплощают в себе колоссальную энергию. Под влиянием буддизма у японцев возникло представление о связи вулканов с долинами ада.

Японцы считали, что религиозная аскеза в горах позволяет обрести чудесные магические способности. На этой основе и развилось особое учение об аскетической и магической практике в горах — *сюгэндо*. Исходная цель его, как и многих подобных религиозных систем земного шара, — поставить силы природы на службу человеку. Выражается это в обретении способности исцелять болезни, изгонять злых духов, предсказывать судьбу, давать долгосрочные прогнозы погоды, определять время посева и т. д. Несколькими позже, под влиянием эзотерического буддизма, последователи *сюгэндо* стали рассматривать свою аскетическую практику как путь реализации сущности Будды в «этом теле».

ЭН-НО ГЁДЗЯ — ОСНОВАТЕЛЬ СЮГЭНДО

По традиции, основателем *сюгэндо* считается Эн-но Одзуну, более известный как Эн-но гёдзя — Отшельник из рода Эн (634–703). Сведения об этом человеке очень скудны. Самое древнее упоминание о нем содержится в летописи «Сёку Нихонги», работа над которой завершилась в 797 г., где вкратце говорится о ссылке Эн-но Одзуну на далекий остров Идзу в наказание за то, что он «посредством магии соблазнял людей».

Гораздо подробнее рассказывает об Эн-но гёдзя сборник «Нихон рёики»¹ («Записки о стране Японии и чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела»), составленный на рубеже VIII–IX вв.: «Э-но Убасоку происходил из рода Камо-но Энокими. Сейчас [этот род] зовется Такакамо-но Асоми. Он родился в деревне Тихара, что в уезде Кацураги-но Ками провинции Ямато. С рождения он был мудр, был первым в учении и жил с верой в Три Сокровища. Он мечтал летать на пятицветном облаке за краем необъятного неба, быть званным во дворец горных отшельников, отдыхать в Саду вечности, лежать среди цветов и вдыхать живительный воздух. Поэтому, когда ему было уже около 50 лет, он поселился в пещере, сплел одежду из трав, пил росу с сосновых иголок, купался в источниках чистых, смывая с себя

¹ Произведение жанра *сэцува*, сборник буддийских легенд 822 г.

грязь мира желаний, и читал заклинания «Кудзякуо». Он обрел силы чудотворные, повелевал духами и богами.

Однажды он созвал чертей с богами и сказал им так: «Постройте мост в провинции Ямато между горами Канэ и Кацураги». Боги опечалились, и при государе, который правил Поднебесной из дворца Фудзивара, бог горы Кацураги по имени Хитокото Нуси-но Оками сошел с ума и оклеветал его: «Э-но Убасоку хочет свергнуть государя». Государь повелел своим людям схватить его, но тот сотворил чудо, и они никак не могли поймать его. Тогда они схватили его мать. Чтобы ее отпустили, Э-но Убасоку выдал себя. Его сослали на остров Идзу.

Однажды он прошел по морю, как посуху. Он вскарабкался на гору высотой в десять тысяч дзё¹ и летал там, словно феникс. Днем волей государя он оставался на острове, а ночью отправлялся на гору Фудзи в Суруга и там подвижничал. Чтобы вымолить освобождение от тяжкого наказания и оказаться поближе к государю, он взбирался на Фудзи по лезвию меча.

Три печальных года прошло с тех пор, как [Убасоку] сослали на остров. И тогда раздался глас сострадания, и в 1 луне 1 года эры Тайхо, в 8 год Быка, он смог приблизиться к государю. В конце концов он стал святым и вознесся на небо...» (перевод А. Н. Мещерякова).

С распространением движения *сюэндо* Эн-но гёдзя превратился в одного из самых популярных героев японского фольклора, а много позднее, в 1799 г., был канонизирован в качестве бодхисаттвы² Дзимбэн-дайбосацу — Великого бодхисаттвы, способного перевоплощаться в любое тело.

ЯМАБУСИ

Последователей Эн-но гёдзя, удалявшихся в горы для аскетической практики, называли *ямабуси* — «спящие в горах» (другие названия: *яма-но хидзири* — «горные мудрецы»; *сюэндзя* — «занимающиеся практикой для обретения чудотворных сил», *сюгёся* — «занимающиеся аскезой»; *гёдзя* — «аскеты»). Далеко не все из них оставались в горах постоянно, ведя жизнь отшельников в полном смысле слова. Подавляющее большинство совершало восхождения в горы лишь эпизодически. В остальное время они либо находились в храмах, связанных с *сюэндо*, либо странствовали, забредая подчас в самые отдаленные

¹ Дзё — мера длины, 1 дзё = 3,03 м.

² Буддийский святой, достигший просветления, но отказывающийся от перерождения в состоянии райского небытия ради спасения людей.

Ямабуси Симода Мохэй, патриарх школы будзюцу Кираку-рю.
Со старинной гравюры

уголки Японии. Постепенно они обрастали приверженцами из числа мирян. Когда наступало время восхождения на святые горы, *ямабуси* становились для мирян проводниками в святые горы и наставниками в постижении таинств горного отшельничества. Таких *ямабуси* стали называть *сэндацу*.

Влияние *ямабуси* не ограничивалось узким кругом приверженцев. Они были желанными гостями в любой деревне или крестьянской семье, где творили заклинания у ложа больного с целью изгнания из его тела вызвавших болезнь злых духов, заклинаниями же помогали вызвать дождь, столь необходимый в засушливое время года, или же, наоборот, усмирить разбушевавшуюся стихию. Из уст *ямабуси* люди постигали начала буддийского вероучения, узнавали о хороших и дурных числах, благоприятных и неблагоприятных направлениях, других

представлениях даосизма и буддизма. *Ямабуси* были врачевателями, наделенными сверхъестественными знаниями мудрецами. А еще — занимательными рассказчиками, от которых крестьяне узнавали немало интересных легенд и рассказов о чудесах, незаурядными актерами, исполнявшими в ходе рассказа самые различные роли. Иными словами, *ямабуси* были близки простому люду, и именно эта близость делала их проводниками учения Будды повсюду, где бы они ни появлялись.

Поскольку *сюэндо* является разновидностью народной религии, оно никогда не имело единой доктрины и организационно всегда было чрезвычайно рыхлым. Достаточно сказать, что одни группы *ямабуси* ассоциируют себя с национальной японской религией *синто*, другие — с буддизмом, а третьи вообще утверждают, что *сюэндо* — самостоятельная религия. При этом *ямабуси* объединены в целый ряд самостоятельных школ, крупнейшими из которых являются Хондзан-ха и Тодзан-ха. Течение Хондзан-ха связано с той ветвью буддийской школы Тэндай, главным храмом которой является Мии-дэра, а Тодзан-ха — с той ветвью буддийской школы Сингон, главным храмом которой является Дайго-дзи Самбо-ин. И все же, говоря о *сюэндо*, стоит вкратце остановиться на основах доктрины буддийской школы Сингон, поскольку именно она наиболее согласуется с целями и системой психофизической практики, которая сложилась в *сюэндо*, а позже отчасти перешла в практику *ниндзя*.

ДОКТРИНА ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО БУДДИЗМА СИНГОН

Буддийская школа Сингон («Истинное слово») была создана монахом Кукаем в первой половине IX в. Она относится к так называемому эзотерическому или тантрическому буддизму (яп. *миккё* — досл. «тайное учение»).

Что же такое эзотерический буддизм? Эзотерический буддизм — это учение о единстве человека, природы и великого всемогущего и всезнающего будды Дайнити, чье имя означает «Великое солнце». Задача человека — выявить в себе свою истинную природу — природу Дайнити, и тогда он сможет вырваться из порочного круга перерождений и страданий и достичь успокоения в нирване. Достичь этого можно разными путями, но эзотерический буддизм проповедует подвижничество, которое позволяет достичь цели в течение одной жизни. Это подвижничество заключается в выполнении различных ритуалов, которые и составляют основной секрет «тайного учения».

Кукай в своем трактате «Значение [слов] «стать буддой в этом теле» писал:

[Между] шестью великими [элементами] нет преград
и [они] вечно пребывают в йоге.
Четыре вида мандал не отделены друг от друга.
Если следовать трем «тайным» кадзи,
[Три Тела Будды] быстро выявляются.
Всё, что есть в сетях Индры, называют «в этом теле».

В этих строках заключена квинтэссенция учения Сингон. Но чтобы понять их, нужно познакомиться с представлениями «тайного учения» о вселенной.

В миккё разнообразные тела, существующие во вселенной, рассматриваются в трех аспектах — «тело», «знак» и «действие». «Тело» есть материальное тело как таковое. Если для примера взять цветок розы, то данная категория указывает на цветок сам по себе. «Знак» — это форма, облик вещи. Цветы розы имеют разнообразные формы, бывают разных цветов, отличаются по величине. Это — их «знак». «Действие» — это действия материальных тел, например, у цветка розы раскрывается бутон, распускается цветок. И так, в «тайном учении» вся материя вселенной рассматривается с трех сторон — «тела», «знака» и «действия». Считается, что и сама вселенная также имеет эти три грани.

По учению миккё, «тело»-вселенная складывается из шести структурообразующих компонентов, которые называются «шесть великих элементов». Это «земля» (дзи), «вода» (суй), «огонь» (ка), «ветер» (фу), «пустота» (ку) и «сознание» (син). «Землю», «воду», «огонь», «ветер» и «пустоту» называют «пятью великими элементами». Они конституируют материальное бытие. При этом «земля» — это нечто твердое; «вода» — жидкое, стекающее вниз; «огонь» — горящее, поднимающееся вверх; «ветер» — то, что движется (воздух); «пустота» — это пространство.

К пяти великим элементам добавляется «сознание», или психика, психические «действия». В нем воплощается духовное бытие. Таким образом, вселенная состоит не только из материи, но в ней изначально присутствует и наша психика, сознание.

«Шесть великих элементов» существуют не сами по себе, каждый по отдельности, они как бы «вплавлены» друг в друга.

Чтобы «стать буддой в этом теле», то есть реализовать высшее просветление, выводящее человека за рамки перерождений и земных страданий, нужно постичь это «истинное тело» вселенной, которое в то же время является телом великого будды Дайнити.

Ямабуси, складывающий руки в мудру.
С изображения в иллюстрированном
каталоге приемов школы будзюцу
Намбу синган-рю

Далее, с точки зрения «знака» вселенная рассматривается в четырех ипостасях, которые выражаются четырьмя мандалами. Мандала (яп. *мандара*) – важнейший для «тайного учения» Сингон предмет культа. По сути, это схематическое символическое изображение вселенной, на котором в определенном порядке размещены будды с великим буддой Дайнити в центре.

Существует четыре вида мандал. На «Великой мандале» структура вселенной представлена в образах будд. Она включает в себя две мандалы – «мандалу мира алмаза» (*Конго-кай мандара*) и «мандалу мира чрева» (*Тайдзо-кай мандара*). На «Самая-я-мандале» изображаются символы будд: мечи, кольца из драгоценностей, цветки лотоса, которые являются «знаками» граней вселенной. На «Дхарма-мандале» изображаются «слова-семена» будд. Это санскритские буквы, которые также символизируют грани вселенной. На «Карма-мандале» символически изображаются «деяния» будд.

В мандалах четыре видов выражен истинный «знак» вселенной, то есть истинный «знак» Дайнити. Вселенная едина, поэтому

четыре мандалы называются в Сингон «четыре неотделимые [друг от друга] мандалы».

Итак, вселенная складывается из шести структурных компонентов и имеет четыре ипостаси.

Третья категория – «действие». На ней делается наибольший акцент. В «действии» концентрируется всё, что связано с «тайным учением».

Согласно буддийскому учению, вся наша жизнь, все наши повседневные поступки представляют собой деяния тела, языка и разума. С помощью тела мы передвигаемся, с помощью рта говорим, с помощью разума думаем. Буддисты называют это «тремя деяниями», причем «деяние» — это карма, то есть такое действие, которое закономерно повлечет за собой определенное следствие.

В миккё «тайну тела», «тайну речи» и «тайну мысли» называют «тремя тайнами» (*саммицу*). Они являются структурообразующими элементами ритуала: «Если практикующий Сингон постигает значения «тайн», он соединяет руки в мудру, произносит «истинные слова», погружается в самадхи (отдаляясь от пустых размышлений, успокаивает и приводит в порядок свои мысли) и, так как благодаря «трем тайнам» обретает поддержку, быстро достигает того, чего желает».

«Тайна тела» — это мудра (яп. *кэцуин* — досл. «связанная печать»). Так называют определенные позы и жесты, положения ног, сплетения пальцев, повороты головы, воспроизводящие магические жесты будды Дайнити. Особое сплетение пальцев, по буддийской теории, приводит к замыканию энергетических каналов, благодаря чему человек получает возможность «подключиться» к неистощимой энергии вселенной.

«Тайна речи» — это *мантра* (яп. *дзюмон* — «заклинание»), магическая словесная формула, набор различных звуков, обычно лишенный всякого значения и воспроизводящий фрагмент священной речи Дайнити. В мантрах важен не смысл слов, а само произнесение звуков, вызывающих в человеческом организме особые вибрации, которые, как полагают современные ученые, воздействуют на головной и спинной мозг, изменяя психическое состояние человека.

«Тайна мысли» — это *самадхи* (яп. *самади*), «молитва с думой о почитаемом будде», которая задействует поистине огромную силу сознания — *энрики*. Именно *энрики* является важнейшим фактором приобщения к истинной природе Дайнити. Мудра, мантра и самадхи должны всегда сочетаться в ритуальном действии последователя Сингон, поскольку они отражают три равноприсущих аспекта великого космического будды Дайнити.

Мудра, мантра и самадхи в буддийской школе Сингон называются «*кадзи* трех тайн». Слово *кадзи* буквально означает «добавление и сохранение». Оно выражает двойное усилие: усилие Дайнити просветить людей (*ка*) и усилие людей воспринять учение Дайнити и удержать в себе (*дзи*). Благодаря *кадзи* трех тайн последователь миккё становится одним целым с великой душой вселенной, которая выражается через «шесть великих элементов» и четыре мандалы, обретает способность творить чудеса и — главное — становится буддой.

Последователи школы Сингон не устают подчеркивать, что сущность миккё невозможно понять, ограничиваясь только накоплением знаний о «тайном учении» и изучением его догматики. Ее можно постичь только через собственный мистический опыт с помощью искренних молитв и практики. Кукай писал: «Дхарма Будды (мудрость просветления) не где-то далеко, она близко, в сердце. Истинная «таковость» (принцип просветления) не где-то вне нас, так зачем искать ее, отбросив наше тело? Если в нас есть и заблуждения, и просветление, то обретем просветление, пробудив в себе мысли о нем. Светлое и темное (светлое – просветление, темное – заблуждения) не в ком-то другом, так что если заниматься практикой, то сразу же обретешь просветление».

ФУДО-МЁО – ГЛАВНОЕ БОЖЕСТВО СЮГЭНДО

Последователи *сюгэндо* поклоняются самым разным богам и буддам. По сути, они стремятся черпать силу из любого доступного источника. Правда, у разных объединений *ямабуси*, сложившихся вокруг разных священных гор, есть свои предпочтения. Но практически все они поклоняются Фудо-мёо.

Имя Фудо-мёо (на санскрите – Ачаланатха) означает «Неподвижный Светлый Царь» или «Неподвижный Защитник». Японцы издревле верили в него как в будду, творящего чудеса. В храмах школы Сингон статую Фудо-мёо устанавливают слева от изваяния будды Дайнити, помещая справа изображение Великого Учителя Кобо, то есть Кукая. Фудо-мёо символизирует мудрость Дайнити, а Великий Учитель Кобо – сострадание.

Кто же такой Фудо-мёо, какое место он занимает среди многочисленных будд?

В отличие от христианства, где есть только один абсолютный бог, в буддизме – неисчислимо число будд. На мандале «мира чрева» изображены 410 будд, а на мандале «мира алмаза» – 1461 будда. Как считают буддисты, число живых существ, которых должны спасти будды, безгранично, поэтому число будд тоже безгранично.

В миккё все будды делятся на четыре группы.

1. Собственно будды (татхагаты; яп. буцу). Этих будд называют «тела, вращающие Колесо Дхармы сами по себе». Так как они проповедуют Закон Будды самим себе, их учения людям непонятны.

不動

Фудо-мёо

2. Бодхисаттвы (яп. *босацу*). Их называют «тела, вращающие Колесо Истинной Дхармы». Бодхисаттвы достигают просветления, но буддами не становятся и проповедуют живым существам Истинный Закон Будды.

3. «Светлые цари» (яп. *мёо*). Их называют «тела, вращающие Колесо Дхармы по указу». Они посланцы, которые по указу татхагат занимаются просветительской деятельностью. Если у бодхисаттв выражения лиц спокойные, то у «светлых царей» — грозный вид, который устрашит любого. Свой гневный лик они показывают самым плохим живым существам, которые глухи к учениям бодхисаттв, и так спасают их, хотя и заставляют трястись от страха. Это проявление жалости «светлых царей». Именно в эту группу входит Фудо-мёо.

4. Боги (яп. *тэн*). Изначально это были брахманистские и индуистские божества, но позже они вошли в пантеон «тайного учения». На мандалах для них нет строго определенного места, поэтому говорят, что они «вращают Колесо Дхармы свободно», то есть проповедуют Закон Будды, когда хотят.

Татхагаты занимают высшее положение в иерархии будд. Бодхисаттвы — святые, которые ведут за собой живые существа с помощью силы сострадания. «Светлые цари», являясь посланцами Татхагат, силой спасают живых существ, которых трудно «обратить». Боги — старшие над людьми, которые легко становятся советчиками людей.

Среди татхагат главное место занимает Дайнити. Так как он вращает «Колесо Дхармы сам по себе», его учение очень глубоко и людям непонятно. Поэтому у него есть посланцы, которые проповедуют Дхарму и спасают живые существа. Среди «светлых царей» его «представителем» является Фудо-мёо. Именно он «вращает Колесо Дхармы по указу» Дайнити. При этом сам он — «превращенное» тело Дайнити. Это значит, что «истинное тело» Фудо-мёо, его сущность, есть великий будда Дайнити.

Традиционно Фудо-мёо изображают сидящим на огромном камне, за спиной у него языки пламени, в правой руке меч, в левой — сеть, выражение лица грозное. Какую бы грязную работу он ни выполнял, он всегда полон решимости продвигаться вперед сам и вести за собой живые существа. Он принимает облик слуги с гневным лицом, чтобы вывести на правильный путь самых плохих людей, которых невозможно спасти силой сострадания бодхисаттвы. Фудо-мёо острым мечом рубит врагов — заблуждения, а сетью «ловит» плохих людей и пробуждает в них мысли о вере. За спиной Фудо-мёо языки огня. Этот огонь сжигает все заблуждения и плохую карму. Возможно, это также огонь ада, и Фудо-мёо стоит у входа в него, чтобы не дать живым существам упасть в ад. Буддисты верят, что попавших в ад спасти невозможно.

Поэтому во имя спасения грешников Фудо-мёо сжигает себя в адском огне. Камень, на котором восседает Фудо-мёо, — это символ того, из чего создан ад, где ничего не рождается. Обычно будды восседают на лотосовых цветах. Цветок лотоса показывает свой лик из грязи и символизирует просветление. Но Фудо-мёо сидит на камне, и это символ того, что, попав в ад, невозможно стать буддой. Таким образом, за устрашающим грозным ликом Фудо-мёо кроется беспредельное великое сострадание Дайнити.

АСКЕЗА ЯМАБУСИ

Как уже говорилось, доктринальные вопросы для *ямабуси* были далеко не главным. Для них гораздо важнее была реальная аскетическая практика и ее результат — чудодейственные способности. И об этом нужно поговорить подробнее, поскольку, как полагают некоторые историки *ниндзюцу*, именно аскетические практики *ямабуси* послужили фундаментом для системы психофизической тренировки *ниндзя*.

Что же представляла собой аскеза *сюгэндо*?

Сюгэндо использовало многие ритуалы и аскетические практики «тайного учения»: особые виды медитации, чтение сутр, молитвы охраняющим божествам, рецитацию магических формул *дхарани*. Но существовали и особые, специфичные формы аскезы *сюгэндо*. Некоторое представление о них дает следующий отрывок из «Хэйкэ-моногатари»:

«Девятнадцать лет Монгаку постригся в монахи. Но прежде чем отправиться в странствия в поисках просветления, задумал он испытать, способен ли он переносить телесные муки. В один из самых знойных дней шестой луны отправился он в бамбуковую чащу, у подножия ближней горы. Солнце жгло беспощадно, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, неподвижный воздух словно застыл. Чтобы испытать себя, Монгаку улегся на землю и лежал неподвижно. Пчелы, оводы, москиты и множество других ядовитых насекомых роились вокруг него, кусая и жала. Но Монгаку даже не шевельнулся. Так лежал он семь дней кряду, на восьмой же день встал и спросил: «Достанет ли такого терпения, чтобы стать подвижником и аскетом?»

— Ни один подвижник не смог бы сравниться с вами! — гласил ответ.

— Тогда и толковать не о чем! — воскликнул Монгаку. Уверившись в своих силах, пустился он в странствия по святым местам. Сперва он направил стопы в Кумано, решив испытать себя у прославленного

водопада Нати. Для первого испытания в подвижнической жизни спустился он к подножию водопада, чтобы искупаться в водоеме. Была самая середина двенадцатой луны. Глубокий снег покрыл землю, сосульки льда унижали деревья. Умолкли ручьи в долинах, ледяные вихри дули с горных вершин. Светлые нити водопада замерзли, превратившись в гроздь белых сосулук, все кругом оделось белым покровом, но Монгаку ни мгновенья не колебался — спустился к водоему, вошел в воду и, погрузившись по шею, начал молиться, взывая к светлому богу Фудо на святом языке санскрите. Так оставался он четыре дня кряду; но на пятый день силы его иссякли, сознание помутилось. Струи водопада с оглушительным ревом низвергались с высоты нескольких тысяч дзё; поток вытолкнул Монгаку и снес далеко вниз по течению. Тело его швыряло из стороны в сторону, он натыкался на острые, как лезвие меча, изломы утесов, но вдруг рядом с ним очутился неземной юноша. Схватив Монгаку за руки, он вытащил его из воды. Очевидицы, в благоговейном страхе, разожгли костер, дабы отогреть страстотерпца. И видно, еще не пробил смертный час Монгаку, потому что он ожил. Едва к нему вернулось сознание, как он открыл глаза и, свирепо глядя на окружающих, крикнул: «Я поклялся простоять двадцать один день под струями водопада и триста тысяч раз воззвать к светлому богу Фудо! Сейчас только пятый день. Кто смел притащить меня сюда?»

При звуке его гневных речей у людей от страха волосы встали дыбом; пораженные, они не нашлись с ответом. Монгаку снова погрузился в воду и продолжал свое бдение. На следующий день явилось восемь юношей-небожителей; они пытались вытащить Монгаку из воды, но он яростно противился им и отказался тронуться с места. Всё же на третий день дыхание его снова прервалось. На сей раз с вершины водопада спустились двое неземных юношей; освятив воду вокруг Монгаку, они теплыми, благоуханными руками растерли его тело с головы до пят. Дыхание возвратилось к Монгаку, и он спросил, как будто сквозь сон:

— Вы меня пожалели... Кто вы такие?

— Нас зовут Конгара и Сэйтাকা. Мы посланцы светлого бога Фудо и явились сюда по его повелению, — ответили юноши. — Он велел нам: «Монгаку дал нерушимый обет, подверг себя жестокому испытанию. Ступайте к нему на помощь!»

— Скажите, где найти светлого бога Фудо? — громким голосом вопрошил Монгаку.

— Он обитает в небе Тусита! — ответили юноши, взмыли к небу и скрылись в облаках. Монгаку устремил взгляд в небеса и, молитвенно сложив ладони, воскликнул:

— Теперь о моем послушании известно самому богу Фудо!

Сердце его преисполнилось надежды, на душе стало легко, он снова вошел в воду и продолжал испытание. Но теперь, когда сам бог обратил к нему свои взоры, ледяной ветер больше не охлаждал его тело, и падавшая сверху вода казалась приятной и теплой. Так исполнил Монгаку свой обет, проведя 21 день в молитве. Но и после этого он продолжал вести жизнь подвижника. Он обошел всю страну, три раза поднимался на пик Оминэ и дважды — на Кацураги, побывал на вершинах Коя, Кокава, Кимбусэн, Сирояма и Татэяма, поднимался на гору Фудзи, посетил храмы в Хаконэ и Идзу, взбирался на пик Тогакуси в краю Синано и на гору Хагуро в краю Дэва. Когда же он посетил все эти святые места, тоска по родным краям завладела его душой, и он возвратился в столицу. Теперь это был святой монах, неустрашимый и твердый, как хорошо закаленный меч. Говорили, что молитва его способна заставить птицу, летящую в поднебесье, внезапно упасть на землю».

В этом отрывке прекрасно выражена суть аскезы *ямабуси*. Каждая «практика» для них — вызов пределам человеческих сил, воле и вере. Это ритуал на грани жизни и смерти. Немногим удавалось пройти этим путем... Но те, кто выдерживал, становились людьми невероятными — с негибимой волей, с несокрушимым телом, со сверхъестественными возможностями...

Основу аскетической практики *ямабуси* составляли длительные паломничества по святым горам. По сути, они и составляли всю жизнь наиболее ортодоксальных аскетов. Во время этих паломничеств последователи *сюгэндо* посещали различные места силы: водопады, священные пруды и озера, причудливые вершины, где обитали боги — *ками*, и совершали там различные ритуалы и обряды в надежде, что *ками* и будды наделят их чудесной силой. Значительное место в «арсенале упражнений» *ямабуси* занимали «практики» с водой и огнем.

АСКЕЗЫ ВОДЫ — МИСОГИ И ТАКИ-СЮГЁ

Оба этих аскетических «упражнения» *сюгэндо* нашли широкое применение в японских боевых искусствах, где они используются для укрепления духа и развития внутренней энергии *ки*.

Ритуал *мисоги-хараи*, пришедший из *синто*, предназначался для очищения тела и духа. Суть его в длительном, многочасовом пребывании в ледяной воде, как правило, в зимнее время. Во избежание околечения *ямабуси* рекомендовали отождествлять себя с огнем, вызывая

такой жар в теле, что вокруг аскета, погруженного в воду примерно по пояс, клубится пар! Считалось, что *мисоги* ведет к перерождению человека, смывает с него всю «грязь». А с точки зрения *сюгэндо* заболевания, рождение, смерть, ранения, пролитая кровь — всё это от нечистоты. Отсюда берет свое начало и культ чистоты в японских боевых искусствах: прием душа до и после тренировки, мытье тренировочного зала — *додзё*, очищение сознания медитацией. Особой формой *мисоги* считается *харакири*, смысл которого состоит в смывании позора кровью.

Другой ритуал, связанный с водой, — *таки-сюгё*, или медитация под водопадом. Водопады считаются местами обитания божеств. С другой стороны, поток воды, падающий с высоты нескольких метров на точку *байхуй* на макушке, активизирует потоки энергии *ки* в организме, что способствует достижению просветления. Кроме того, ритуал *таки-сюгё*, как считается, помогает адепту постичь устройство мироздания. В паре гора — водопад устремившиеся ввысь скалы воплощают Ян (светлое начало мироздания), а низвергающаяся с них вода — Инь (темное начало мироздания). Наконец, обрушивающийся вниз поток таит в себе еще одну тайну: оставаясь неизменным по форме, он постоянно изменяется содержательно, ведь вода в нём никогда не бывает той же самой...

АСКЕЗЫ ОГНЯ — ГОМА И ХИВАТАРИ

Аскезы огня — это возжигания священных костров *гома* и знаменитое хождение по раскаленным углям — *хиватарии*.

Ритуал *гома* пришел в *сюгэндо* из буддийской школы Сингон. Это медитация над огнем. В знак преклонения перед очищающим огнем Будды сжигаются жертвенные дощечки. Питая пламя костра, они символизируют людские страсти, превращающиеся в мудрость. Когда страсти сгорят, медитирующий сможет «раствориться» в огне и достичь единства с божеством. Слияние с пламенем обретается при помощи священного звука *ра*, вибрация которого позволяет войти в резонанс с другими вибрациями, которые владеют пламенем. Считается также, что пламя привлекает силу духов гор, и тогда, слившись с огнем и достигнув просветления, адепт обретает способность ходить по тлеющим углям безо всякого вреда для себя.

О своих ощущениях во время ритуала *гома* подробно рассказывает современный последователь *сюгэндо* Икэгути Экан: «Ритуал *гома* с 8000 дощечек — активное действие. Когда оно начинается, у *гёдзя* не бывает времени ни для того, чтобы отдохнуть, ни для того,

чтобы поспать. В таком состоянии гёдзя пребывает на протяжении всего ритуала.

Гёдзя, не питаясь надлежащим образом, каждый день во время трех «сидений» громким голосом произносит «истинные слова» Фудо, вкладывая в них всю душу, энергично подносит огонь к дощечкам. В моем храме дощечки из молочного дерева в 2–3 раза больше тех, что встречаются в других храмах. Пламя поднимается так высоко, что почти опалает потолок храма и обдаёт жаром все тело. Человек, не связанный с этим, даже не может представить, сколько сил расходует гёдзя. Когда заканчивается действие, я ощущаю, что постарел на 10, 30 или даже 40 лет. После того, как заканчиваю сожжение 8000 дощечек... я теряю 4–5 кг веса.

Летом — воистину ад. Капли пота водопадом льются на рясу, и она становится насквозь мокрой. Ученики периодически вытирают мне полотенцем лицо, руки и шею, но как будто льют воду на раскаленный камень.

Глаза застилаются туманом, тело сводят нескончаемые судороги. От зажигания дощечек... руки теряют силу, и ты ощущаешь, как дощечка... по весу становится похожей на железную болванку.

Я несколько раз думал, не умру ли я сейчас? В таких случаях спрашиваю себя: «Неужели сломаешься, неужели сдашься?» — и во мне пробуждается необыкновенная жизненная энергия. Благодаря ей я продолжаю действие.

Ритуал гома с 8000 дощечек в высшей степени труден для проведения, но я хорошо понял, что во время действия у меня постепенно обостряются чувственные восприятия. Причина этого в активизации спавших до этого клеток моего тела.

После окончания действия я слышу, как зал, где проводился ритуал, наполняет невыразимо чудесная музыка. Не небесную ли музыку я слышу? Ее красота несколько раз вызывала у меня слезы радости, пробуждаемой Дхармой.

В эти моменты я ощущаю запахи пищи, которую готовят в домах, находящихся от меня на расстоянии 1–2 км. Я издалека могу видеть людей, идущих в мой храм. В такие моменты я узнаю боли и страдания у самого большого числа людей».

Хиватари-мацури, «Празднование переправы через огонь», — это коллективное шествие гёдзя по горящим углям. Оно имеет очень глубокий смысл. В акте прохождения по углям *ямабуси* отдается в руки божества. Как и вода в обряде *мисоги*, огонь становится очистительным средством. Считается, что для того, кто не достиг нужного состояния слияния с охраняющими божествами, которое возможно только при полной чистоте помыслов, этот обряд может окончиться очень плачевно.

КАЙХОГЁ — «МАРАФОНСКИЕ БЕГА» ЯМАБУСИ

Ритуал *кайхогё* издревле считался одним из важнейших ритуалов течения *сюэндо*, связанного с той ветвью буддийской школы Тэндай, главным центром которой является храмовый комплекс Энряку-дзи на горе Хиэй. Он включает в себя все аспекты духовной практики — медитацию, эзотерические обряды, поклонение природе, преданность учению и деяния во имя спасения всех живых существ.

В базовом, обязательном для любого претендента на пост настоятеля храма варианте ритуал *кайхогё* заключается в стодневном хождении вокруг святой горы по маршруту протяженностью около 30 км и в выполнении на нем различных обрядов.

Если *гёдзя* получает разрешение принять участие в этом ритуале, ему дают секретное наставление, которое нужно переписать от руки. В нем даны общие указания о *кайхогё*: какие святыи места должен посетить аскет, какие молитвы и заклинания произносить и т. д.

В течение недели перед началом ритуала *гёдзя* очищают путь от острых камней, веток и листвы, в которых могут скрываться ядовитые насекомые. Делается это очень тщательно, так как недосмотр может привести к гибели.

В день начала *кайхогё* *гёдзя* надевает абсолютно белую одежду, повязывает пояс «веревкой смерти» (*сидэ-но химэ*) и вешает на нее нож в ножнах (*гома-но кэн*). Всё это символизирует его решимость умереть во время ритуала, но не отступить перед трудностями. С этой же целью в специальную шляпу вкладывается монетка: если *гёдзя* умрет во время *кайхогё*, ему понадобятся деньги, чтобы расплатиться с перевозчиком в потусторонний мир.

На ноги аскеты надевают соломенные сандалии. Согласно предписаниям, для выполнения стодневного обряда их требуется ровно 80. В сухие дни они изнашиваются за 3–4 дня, а в дождливые — за несколько часов. Поэтому *гёдзя* всегда берут с собой несколько запасных пар. Обычно они надевают также соломенный плащ.

В первый день «марафона» наставник показывает *гёдзя* маршрут, в дальнейшем аскет будет ходить уже в одиночку.

Практика *гёдзя* начинается в полночь. После часовой службы в зале Будды аскет проглатывает один-два рисовых колобка или выпивает мисо — суп из бобовой пасты, одевается и приблизительно в 1:30 выходит на 30-километровую «прогулку» по святым местам. Он должен посетить 255 мест поклонения — различные храмы и святилища чуть ли не всех богов буддийского, синтоистского, ведического и даосского

пантеонов, могилы подвижников, статуи будд, священные горы, ручьи, водопады, рощи и т. д. На каждой «остановке» гёдзя должен сложить руки в определенную мудру, произнести нужную мантру, что занимает от 10 секунд до нескольких минут. Во время всего пути он может присесть только один раз — на каменную скамью под гигантским священным кедром, где в течение двух минут произносятся молитвы о благосостоянии императорской семьи. При этом гёдзя должен преодолеть несколько крутых подъемов и тысячи ступеней горных троп.

В зависимости от погоды гёдзя возвращается в монастырь между 7:30 и 9:30. После часовой службы в зале Будды он идет в баню. Затем следует обед, на котором аскет съедает простую калорийную пищу — лапшу, картофель, соевый творог *тофу*, суп *мисо*, рис или хлеб. А потом наступает время общей молитвы. В 15:00 проводится служба. В 18:00 — последний прием пищи, а около 20:00 гёдзя отходит ко сну, чтобы в полночь начать все сначала!

И так 100 дней подряд! Особенно тяжело приходится новичкам. Для начала они должны заучить огромный объем информации: описание сотен святых мест, молитвы, мудры и т. д. На это уходит две-три недели. При этом гёдзя, еще плохо знающий маршрут, нередко теряет ориентацию в ночном тумане и часами бродит по незнакомым горным дебрям. Несмотря на предварительную очистку пути, ноги и все тело его оказываются израненными, порезы и царапины инфицируются. Подвижники нередко испытывают обморожение, большинство из них страдают лихорадкой в первые несколько недель, мучаются от диареи и геморроя, от жутких болей в бедрах и спине. К третьему дню практики ноги и ахиллесовы сухожилия начинают дрожать и распухают. Особенно трудно гёдзя приходится в дождливые или снежные дни. Их сандалии почти мгновенно разрушаются, а сам аскет промокает до нитки. Непогода замедляет путь, а вода размывает дорогу. В особенно дождливые годы одежда на подвижнике не просыхает во все время ритуала.

Но к 30-му дню обычно наступает облегчение, а к 70-му гёдзя обретает особую выправку «марафонца»: глаза его сконцентрированы в точке приблизительно в 33 м перед собой, голова вертикально, плечи расслаблены, спина прямая, нос и пупок на одной линии. Он идет легко, в одном ритме и постоянно повторяет мантру Фудо-мёо: «Намаку саманда бадзаранан сэндан макаросяна соватая унтарата камман».

Тот, кто проходит это испытание, получает разрешение на *сэннити-кайхогё* — тысячедневное *кайхогё*. Для этого гёдзя должен быть свободен от семейных уз и иметь решимость на 12 лет удалиться от мирской жизни.

В течение первых пяти лет подвижник выполняет «марафон» в течение 700 дней (по 100 дней *кайхогё* в первые три года и по 200 — в чет-

вертый и пятый годы практики), а потом наступает время самого трудного и смертельно опасного испытания, называемого *Доири* — «Затворения в моленной зале».

В 24:00 назначенного дня *гёдзя* вместе с высшими монахами школы принимает последнюю пищу. В 1:00 его провожают в зал Мёо-до, где он сначала выполняет 330 поклонов. После этого гости уходят, а *гёдзя* остается для девятидневной непрерывной молитвы.

В 3:00, 10:00 и 17:00 он должен читать «Сутру лотоса» перед алтарем. В 2:00 проводится ритуал *сюсуй* — «зачерпывания воды»: читая «Сутру сердца», *гёдзя* проходит расстояние в 200 м до пруда со священной водой, набирает ведро и тащит его для подношения статуе Фудо-мёо. Все остальное время он проводит в позе лотоса, непрерывно повторяя про себя мантру Фудо-мёо. Всего ее нужно повторить 100 000 раз, причем для повторения 1000 раз требуется около 45 минут. Все время в зале находятся два монаха, которые должны следить, чтобы *гёдзя* бодрствовал и следовал обряду.

За несколько недель до *Доири* подвижник начинает ограничивать себя в пище, на прощальном ужине он ничего не ест. Так он готовит организм к девятидневному полному голоданию и отказу от воды. Первый день обычно проходит нормально, но на второй-третий день наступают настоящие муки голода, которые, впрочем, после четвертого дня постепенно прекращаются. К пятому дню в организме *гёдзя* почти не остается воды, слюна абсолютно исчезает, и он начинает чувствовать вкус крови во рту. Чтобы предотвратить слипание губ, начиная с пятого дня подвижнику разрешают полоскать рот, но он должен выплюнуть воду, всю, до капли, обратно в чашку. Рассказывают, что при этом количество жидкости в чашке даже увеличивается. А оставшиеся на языке капельки воды *гёдзя* ощущает как божественный нектар. Кал у него пропадает обычно на третий-четвертый день, а выделения мочи, правда, весьма слабые, продолжают практически до конца обряда.

Обряд «зачерпывания воды», проводимый в 2:00, когда *гёдзя* выходит из закрытого, плохо проветриваемого помещения, где постоянно курятся ароматические свечи, помогает подвижнику взбодриться, прочищает голову. *Гёдзя* даже утверждают, что во время этой прогулки к пруду они кожей поглощают влагу дождя и росы. В первые дни «поход» туда и обратно занимает около 15 минут, но позднее, по мере ослабления аскета, он продляется до часа.

Доири — ритуал, во время которого *гёдзя* в течение 182 часов обходится без сна, отдыха, еды и воды — имеет целью поставить его на грань жизни и смерти. По легенде, в древности хизэйские *гёдзя* проходили *Доири* продолжительностью в 10 дней, но большинство из них умирали, поэтому время *Доири* сократили на одни сутки. Было также

выяснено, что влажные месяцы лета, особенно август, наиболее опасны для жизни.

Во время *Доири у гёдзя* раскрываются экстрасенсорные способности. Они могут слышать, как далеко в лесу падают ветки, какая готовится пища на расстоянии нескольких километров, видеть лучи солнца и луны, проникающие в темноту храма.

В последний, девятый день *Доири*, в 3:00, гёдзя выходит в свой последний путь к священному пруду. Его приветствуют и провожают сотни монахов. После «прогулки» подвижник возвращается в молельный зал и склоняется перед алтарем, а в это время зачитывают текст официального свидетельства монастыря Энряку-дзи об окончании *Доири* и о присвоении ему почетного звания *Тогёман адзяри* — «Святой наставник суровой аскезы».

Путь *сюгэндо* был очень труден. Никаких учебников по аскетическим практикам не было и быть не могло. Только опытный учитель мог помочь ученику пройти по лезвию бритвы между жизнью и смертью. Опасны были не только методы, связанные с огнем, но и медитация на краю пропасти, подъем без страховки на скалы. Да и стояние под водопадом было отнюдь не прохлаждающим душем! Переохлаждение, кома и смерть от опухоли головного мозга грозят каждому неподготовленному человеку, так как поток ледяной воды, льющийся на голову, в течение 10 секунд вызывает сужение сосудов из-за большого выброса гормонов.

Аскезы воды и огня делают человека нечувствительным к холоду и жару, укрепляют волю, учат выдержке и терпению, будят резервные силы организма, раскрывают экстрасенсорные способности. Лазания по крутым горам с риском для жизни, переходы по бревнам через пропасти воспитывают бесстрашие, развивают выносливость, учат человека пониманию природы, помогают ощутить свое единство с ней, показывают источник неисчерпаемой энергии, ведут к измененным состояниям сознания, когда невозможное становится возможным. Всё это имеет огромное значение и для *ниндзя*. Неудивительно, что многие из подобных «практик» *сюгэндо* вошли в систему тренировки японских воинов, в том числе — и «невидимого фронта».

ГОНЕНИЯ НА ЯМАБУСИ

В первый период существования движения *сюгэндо* (VII–VIII вв.) правительство относилось к нему крайне неодобрительно. Связано это было с тем, что деятельность *ямабуси* объективно не вписывалась в политику государственного буддизма.

В то время государство стремилось установить контроль за распространением буддизма в стране. Принятие монашеского сана разрешалось только лицам, знающим сутры, и зрелого возраста. К экзаменам на знание «богословия» допускалось лишь несколько человек в год. Все монахи должны были служить государству: молить о его благосостоянии, поддерживать в массах правительственную политическую линию. Деятельность же *ямабуси* объективно противостояла этой линии. Начать с того, что отшельниками в основном становились лица, не прошедшие официального посвящения в буддийские монахи. На доктринальные споры им, в подавляющем большинстве, было наплевать. В первую голову они ставили аскетическую практику, направленную на личное овладение чудотворными способностями, а проблемы государственной стабильности и авторитета императорской власти волновали их очень мало. Поступки *ямабуси* носили спонтанный, неангажированный характер. Некоторое представление об их манерах дают позднейшие легенды, посвященные приключениям и подвигам Эн-но Гёдзя.

ЛЕГЕНДА О ТОМ, КАК ЭН-НО ГЁДЗЯ НЕ СТАЛ ПЛАТИТЬ ПОДАТЬ

Однажды Эн-но Гёдзя спустился с гор, чтобы проповедовать свое учение. Он пришел в какую-то деревню в провинции Ямато, и там его глазам предстала следующая картина.

У входа в невзрачный крестьянский домишко собралась большая толпа, которая что-то оживленно обсуждала. Подойдя поближе, подвижник увидел, как трое сборщиков податей жестоко избивают бамбуковыми палками одетого в лохмотья юношу, который пал на колени, склонился головой до самой земли и горько причитал. Он рассказывал, как долго болели его отец и мать, как он выбивался из сил, чтобы заработать им на пропитание, как все оказалось тщетным, как умерли родители и как у него не осталось средств даже оплатить их похороны. Несмотря на бедственное положение, прежде юноша исправно вносил земельную подать, и только в этом году, со смертью родителей, не смог этого сделать. Поэтому из резиденции управляющего уездом в деревню явились сборщики налогов, которым было приказано во что бы то ни стало выбить нужное количество риса. Поняв, в чем дело, Эн-но Гёдзя растолкал людей, подошел к старшему чиновнику и сказал:

— Ну-ну, господин чиновник, подождите немного.

Сборщик податей, который как раз избивал юношу палкой, обратился к отшельнику и закричал:

— Что?! Это ты мне? Этот человек — преступник. Он не уплатил подати императору. А ты потакаешь преступнику?!

— А что, все, кто не могут внести подать, — преступники? Кто так решил?

— Ты что, дурак или ненормальный?! Все законы в стране устанавливает император.

— А разве может император, который не является ни kami, ни буддой, в одиночку решать такие вопросы?

— Да ты не только дурак, но еще и наглец! Вся земля в Японии принадлежит императору. Разве ты не знаешь этого?! Вы все только берете землю у него в долг и потому должны уплачивать подати.

— Вот, значит, как?! А если человек может жить не за счет земли, как тогда с земельным налогом?

— Ну, тогда, конечно, можно не платить подати. Только ведь мы — люди и все по земле ходим!

— Хорошо. Пусть тогда жители деревни будут свидетелями того, что человек может жить без земли.

С этими словами Эн-но Гёдзя снял с плеча сумку, в которой лежало несколько драгоценных камней, достал один, взял обеими руками и легонько потер. Потом он закрыл глаза, прочитал про себя заклинание и, открыв глаза, с криком *киай* взлетел над землей и — что за чудо! — завис в воздухе!

— Ну что, чиновник, скажешь?!

Голос его прозвучал подобно грому, а глаза стали испускать золотые лучи. Вся деревня стояла открыв рот, а сборщики податей, напуганные до смерти, бросились бежать от этого места что было сил. После этого Гёдзя опустился на землю, совершил погребальный обряд по родителям несчастного юноши и вместе с ним ушел обратно в горы...

Конечно, это всего лишь сказка. Но для нас не важно, было ли всё это на самом деле или не было. Важнее то, что в этой сказке, как и в сообщениях «Сёку Нихонги» и «Нихон рёики», отразился бунтарский дух *ямабуси*.

Естественно, что власти прилагали немало усилий для борьбы с *сюгэндо*, официально объявив это движение вне закона. Если верить «Сёку Нихонги» и «Нихон рёики», гонения на горных отшельников начались уже в конце VII в. В указах 718 и 729 гг. запрещалось строить скиты в горах, заниматься проповедью закона Будды в лесных и горных местностях. Гонения особенно усилились в период возвышения монаха Докё, который пользовался благоволением императрицы Кокэн. В 765 г. специально для него был создан пост монаха-министра, в результате чего он фактически узурпировал власть в стране. По его приказу вооруженные отряды охотились на *ямабуси*, арестовывали их и разоряли горные скиты.